

ЕКАТЕРИНА НАБОКО

18+

БРАТСТВО ВОЛКА

Екатерина Набоко

Братство волка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Набоко Е. В.

Братство волка / Е. В. Набоко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Волшебница, рыцарь, некромант и лесная эльфийка. Почему они, такие разные, гонимые каждый своими собратьями, столкнулись здесь, в отдалённом лесу? Они обречены, бежать им больше некуда, и изгой, отринув вековую вражду, решают скоротать последние часы жизни, делясь своими историями. Кто знает, может, судьба свела их вместе совсем не случайно? И между ними больше общего, чем кажется на первый взгляд?

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Екатерина Набоко

Братство волка

Часть 1

Сколько дней он уже бежал? Пять? Десять? Меркопт потерял счёт времени. Хватая ртом воздух, он продирался через заросли ночного леса. Мышцы ныли так, что единственным навязчиво пульсирующим в голове желанием было упасть и не двигаться. Но Меркопт знал – если он поддастся ему, уже не встанет. И, преодолевая усталость, бежал дальше.

Хотя нет, бежать он давно не мог. Он едва полз, спотыкаясь о торчащие из земли корни. Ветви хлестали Меркопта по лицу, и он уже пожалел, что выбрал этот путь. А ведь вначале скрыться от преследователей в лесу показалось ему хорошей идеей. Меркопт чувствовал – они отстали, но кто знает, когда его снова нагонят. Разгневанные его поступком фалийцы не откажутся от погони. И Меркопт продолжал двигаться, упорно углубляясь в лес. Они не получают его жизнь. Ни за что, никогда!

Заросли оборвались столь внезапно, что Меркопт упал на мягкую траву. Мягкая... Поразительно. Казалось, всё в этом лесу только колется, хлещет и режет. Меркопт поднял взгляд и тут же вскочил на ноги. Он был не один.

Нервно озираясь, на поляне стояло ещё трое. Меркопт поймал себя на мысли, что ведёт себя точно также. Ровный лунный свет заливал поляну, позволяя как следует всё рассмотреть. Потрёпанный вид, грязные лица и затравленный взгляд – на этом внешнее сходство между этими тремя заканчивалось.

Очень красивая молодая женщина – Меркопт невольно залюбовался ею – никакая грязь не смогла бы скрыть её красоту. Каштановые кудри, большие карие глаза, пухлые щёки и губы производили впечатление об их обладательнице, как о простодушной, милой девушке. Но синяя мантия и зажатый в девичьих руках причудливый посох выдавали в ней катаронскую чародейку. Магов можно считать какими угодно, но точно не простодушными.

Другой – мужчина, но тоже катаронец. Судя по всему, он вполне комфортно чувствовал себя в тяжелых доспехах. Волосы его уже тронула седина. Карие глаза настороженно перебежали от Меркопта к волшебнице, а рука привычно сжимала меч, словно воин с ним родился. Лицо тоже обманчиво простодушное. Умелый воин и, судя по выставленному напоказ платиновому медальону – окончивший Школу Мечей.

Третья – лесная эльфийка, черноволосая, зеленоглазая, с заострёнными чертами лица. Одета в изодранное домашнее платье, но с колчаном, луком и дорожной сумкой. Странная комбинация. Гибкие пальцы могут принадлежать как волшебнице, так и убийце.

Меркопт представил, как выглядит сам – оборванец с уродливым шрамом на щеке – и невольно усмехнулся. Как могли четверо столь разных людей встретиться в одном месте?

– Чего смеёшься, некромант? – прорычала волшебница. – Думаешь, выйдешь победителем?

Меркопт вернул лицу невозмутимое выражение. Хоть он и одет, как нищий, татуировки на лысой голове выдают в нём фалийского некроманта. Он в куда худшем положении, чем эти трое. Маги и рыцари Катарона давно воюют друг с другом, это известно всем. А лесные эльфы с Катароном дружны. Но тут нет государств и законов, есть только маг, рыцарь и эльфийка. Обоих катаронцев волнует, чью сторону она примет, а для кого станет врагом. Только эти сомнения удерживают всех троих от того, чтобы уничтожить ненавистного некроманта.

Нападать никто не спешил. Переводили друг на друга настороженные взгляды, но не более. Меркопт вдруг осознал: они все вымотаны до предела! Как и он сам. И, как и он сам, стараются это скрыть.

– Ну, хорошо, – буркнула чародейка, отводя посох. Её хриплый и резкий голос резко контрастировал с миловидной внешностью. – Просто дайте мне пройти, и я никого не трону.

– Скажи, от кого ты убегаешь, – произнёс рыцарь. – И можешь идти.

Лицо волшебницы перекошило.

– Смею заметить, вы все от чего-то бежите, – произнёс Меркопт, не вздрогнув под метнувшимися к нему враждебными взглядами. – Я не в первый раз вижу людей и эльфов, загнанных в угол. Прежде, чем дружно наброситься на меня, подумайте: вы не находите сложившуюся ситуацию, мягко говоря, странной? Четверо беглецов сталкиваются друг с другом в огромном лесу. Вас не удивляет такое совпадение? Ну а пока вы отвлеклись от мысли убить меня на месте, я представляюсь. Меркопт, – он вежливо поклонился. – Как вы уже поняли, некромант из Фальции. Меня преследуют преданные слуги Хранителя Полуночи, дабы свершить правосудие.

Волшебница истерично расхохоталась:

– Фалиец, преследуемый фалийцами? Ха! Да ты просто хочешь спасти свою шкуру!

Меркопт пожал плечами. Отсутствие манер у этой чародейки удивляло его всё больше, и не похоже, чтобы виной тому оказалась тяжёлая ситуация, в которую она попала.

– Довольно иронично, не спорю. Но я не для того избегал схваток с преследователями, чтобы сложить голову здесь, столкнувшись с обезумевшими от отчаяния беглецами. Безусловно, я хочу спасти свою жизнь. Полагаю, вы тоже?

Меркопт обвёл присутствующих взглядом. Воин смотрел на него с нескрываемым интересом. Нападать вроде не собирается, уже неплохо. В глазах эльфийки вспыхнула явно не свойственная ей решимость. Интересно, она всегда так молчалива? А вот взгляд волшебницы напротив потух, плечи её поникли. От неё такой реакции Меркопт не ожидал, мгновение назад чародейка просто лучилась жизненной энергией. Необычно. Что же с ней произошло?

– Ну что ж, по крайней мере, право на вежливое приветствие ты заслужил, с приятной улыбкой обратился к Меркопту воин. – Меня зовут Рикила, я рыцарь из ордена Лета, окончил Школу Мечей со знаком Звезды.

Меркопт слышал, как охнула волшебница, да и сам едва сдержал потрясение. Знак Звезды – высшая награда Школы Мечей. Воинов, отмеченных им, считают почти непобедимыми. А ещё Меркопту бросилось в глаза промелькнувшее на лице Рикилы самодовольство. Вроде бы, вполне естественное чувство для человека, достигшего вершины мастерства, но у Меркопта почему-то оно вызвало неприязнь.

– А титул? – прошелестел тихий, мелодичный голос. Заговорила эльфийка.

Улыбка быстро сползла с лица Рикилы. Меркопт что-то слышал про воинские титулы, но не придавал им особого значения. Реакция рыцаря его заинтересовала. И не его одного – волшебница тоже с любопытством уставилась на воина.

– Ты сказал, что представишься, как полагается, – продолжала эльфийка. – Но не назвал титул.

Требовательный тон был явно непривычен для её тихого голоса. Словно испугавшись своей решительности, эльфийка потупила взгляд.

– Алчный, – нехотя выдавил рыцарь. – Рикила Алчный.

Да, не слишком приятный титул для выдающегося воина. И всё же, Рикила ответил. Интересно. Быть может, рыцари не имеют права лгать, называя свой титул?

– Хорошо, – эльфийка подняла глаза и робко улыбнулась. – Я Ирида.

– Из какого Дома? – требовательно спросил Рикила, явно в отместку.

Эльфийка вновь потупилась и заговорила ещё тише:

– Я безродная. Изгой.

Ирида невольно бросила тревожный взгляд за спину, и Меркопт удивлённо вскинул брови. За ней что, гонятся сородичи?

Судя по тому, как округлились глаза Рикилы и волшебницы, их посетила та же мысль.

– Что же ты натворила? – пробормотала чародейка.

– Никаких вопросов, женщина, пока я не услышу твоё имя, – отрезал Рикила.

– Рыцарь, Тьма тебя поглотит, я не к тебе обращаюсь!

– Все, кроме тебя, представились, – парировал воин. Голос его был спокоен, но меч угрожающе поднялся в сторону волшебницы.

Чародейка нервно озиралась по сторонам. Ирида хмурилась, скрестив руки на груди. Всё же, эта эльфийка смелее, чем кажется. Встретившись взглядом с волшебницей, Меркопт вновь усмехнулся и позлорадствовал, заметив, как это взбесило женщину.

– Ладно, провалитесь вы все в Бездну, – сдалась чародейка. – Я Селина Лессон, стихийный маг Гильдии, заклинательница Воды.

– Вот и славно, – Рикила немедленно убрал оружие, словно ему больше ничто не угрожало.

– От кого убегаете вы? – Ирида переводила взгляд с Рикилы на Селину. Любопытство в ней пересиливало робость.

Глаза воина и волшебницы впелись друг в друга. Меркопт готов был поспорить, что Селина соперничает с Рикилой только из упрямства. Ей нечего было противопоставить воину Звезды. Пусть их и разделяло расстояние в несколько саженей, Меркопт своими глазами видел, на что способны воины Школы Мечей.

Поединок молчания длился около минуты, затем Селина отвела взгляд.

– За мной гонятся маги Гильдии, – сдержанно ответила она Ириде.

– А меня преследуют рыцари, – тут же сказал Рикила и рассмеялся. Только ничего весёлого в его смехе не было.

Ирида переводила обескураженный взгляд на всех троих.

– Вы все – изгой, – произнесла она. – Как и я. Ваши догадки были верны. Меня преследуют мои собратья.

Рикила перестал смеяться. Удивление, растерянность, страх – эти эмоции мелькали на лицах у всех.

– Анур-Этил! – выпалила Селина с надеждой. – Я пойду в Анур-Этил! Это тебя, уж не знаю за что, – она указала пальцем на Ириду, – преследуют лесные эльфы, а мага из Катарона там примут с честью!

– Не теперь, – покачала головой Ирида. – Сейчас путь в Анур-Этил закрыт.

– Почему? – вскинулся Рикила. Несомненно, тоже надеялся укрыться у лесных эльфов.

– За последние недели там произошло слишком много трагичных событий, ожесточивших сердца моих сородичей. Гостям извне в Анур-Этиле не обрадуются. Да будет Святой Микаэль благосклонен к нам, – Ирида коснулась пальцами губ, затем лба в ритуальном жесте.

Интересно. Как это связано с бегством Ириды? Меркопт готов был поклясться, что у Рикилы и Селины возник тот же вопрос, но даже дерзкая волшебница не решилась его задать.

– Выходит, мы окружены? – севшим голосом произнесла Селина. – Нам совсем некуда бежать?

Вот теперь отчаяние охватило её по-настоящему. Да и других тоже. Только для Меркопта ничего не изменилось. Он прекрасно знал, что некроманту, отверженному даже фалийцами, места в мире нет. Вот только не собирался сдаваться на милость своих преследователей. Слишком Меркопт их ненавидел, чтоб доставить им такую радость. Да и милости он никакой не дожждётся.

– Полагаю, смысла сражаться друг с другом у нас нет, – Меркопт вышел на середину поляны. – Возможно, мы доживаем последние часы своей жизни. Не лучше ли скоротать это время у костра, в тепле дожидаясь последней битвы? Я слишком устал за последние дни, да и вы, думаю, тоже. И мне очень интересно, почему в час отчаяния мы столкнулись друг с другом. Я очень хочу услышать ваши истории, которые привели к столь плачевному финалу, и, разумеется, поделиться своей.

– Это явно не случайно, – покачала головой Ирида. – Чтобы четверо изгоев одновременно оказались в одном месте, да ещё и преследуемые ополчившимися на них соплеменниками. Это очень странно. Я хочу разобраться.

И она, последовав примеру Меркопта, вышла на середину поляны. Селина и Рикила переглянулись и одновременно подошли к ним.

– В конце концов, мне тоже это кажется странным, – приветливо улыбнулся Рикила. – Моя история очень необычна и, если ваши хоть в половину так же интересны, это может дать подсказку, почему судьба столкнула меня именно с вами.

– Надеюсь, наши преследователи быстрее напорются друг на друга, чем на нас, – буркнула Селина. – Я должна выжить.

Очень интересно. Не «хочу», а именно «должна». Услышать их истории будет крайне занимательно, как и разгадать причину их встречи.

Вчетвером они довольно быстро набрали хвороста, благо, подходящей для растопки древесины тут было в избытке. Неподалёку от поляны волшебница обнаружила родник и набрала полный котелок чистой воды. Меркопт мысленно приплюсовал этот факт к списку остальных странных совпадений. Обнаружить подходящий для питья источник совсем рядом с местом их случайной встречи – это просто несказанное везение. Вкупе с остальной чередой совпадений это окончательно убедило Меркопта, что их встреча подстроена. Вот только кем?

Рикила щёлкнул пальцами, и хворост ярко вспыхнул. Под потрясёнными взглядами воин самодовольно ухмыльнулся и сказал:

– Я тоже полон сюрпризов.

О да, рыцарь, владеющий магией, это тот ещё сюрприз! Селина так вообще вытаращилась на Рикилу с открытым ртом. Меркопт справился с удивлением и постарался вернуть лицу невозмутимость. Определённо, компания у них подобралась занятная.

Ирида нарвала каких-то трав прямо на поляне, даже не углубляясь в лес, и забросила их в кипящую воду. Воздух наполнился приятным, расслабляющим ароматом. У Меркопта нашлись кружки, которыми он поделился со всеми. Селина долго с подозрением осматривала вручённую ей кружку, прощупывая её магией. Меркопт невесело улыбнулся. Даже сидя за одним костром, они оставались врагами. Впрочем, к налитому Иридой чаю Селина отнеслась столь же недоверчиво. Она возмущённо фыркнула, когда Рикила без всяких предосторожностей отхлебнул чай, но всё же аккуратно пригубила.

– Спасибо, – поблагодарил Ириду Меркопт, получив свой чай.

Эльфийка в ответ робко улыбнулась.

Чай приятно согрел тело и освежал разум. После изнурительных дней погони минуты покоя казались даром свыше. Даже в кругу врагов. Тепло костра, ароматный, горячий чай и долгожданный отдых расслабили даже осторожного Меркопта.

– Не думал, что когда-нибудь снова попробую чай, приготовленный эльфийкой, – пробормотал Меркопт.

Ему казалось, он говорил достаточно тихо, но слова некроманта услышали все. Селина поперхнулась, зелёные глаза Ириды расширились, а Рикила с интересом уставился на него.

– И где же обитают эльфы, заваривающие некромантам чай? – произнёс рыцарь.

Меркопт посмотрел на Ириду, которая теперь старательно избегала его взгляда. «Она совсем на неё не похожа», – с горечью подумал фалиец.

– Думаю, я расскажу вам, – Меркопт подавил сквозившую в голосе дрожь. – Но позже.

Рикила кивнул, кажется, несколько удивлённый. Меркопт обратил внимание на морщинки в уголках рта пожилого рыцаря, выдающие часто смеющегося человека. Однако, над ним Рикила смеяться не стал. Видимо, насмешливость, даже над врагами, ему не свойственна. И это вызывало уважение.

– Некромант, привыкший к эльфийскому чаю, – пробурчала Селина. – Эльфийка, убежавшая из Анур-Этила после каких-то трагических событий, и рыцарь Лета, владеющий огненной магией. Похоже, я тут единственная нормальная.

– Ты самая странная среди нас, – произнёс Меркопт. – Ты заставляешь себя жить, но не хочешь этого.

Селина оторопело захлопала глазами, а затем, как обычно, разъярилась:

– Бездной проклятый некромант! Да что ты понимаешь!

Меркопт пожал плечами. Её эмоциональность противоречила нежеланию жить, но в последнем некромант ошибиться не мог. Он в равной степени постигал суть жизни и смерти, а Селина застряла на разделяющей их границе. Но внимание Меркопта сейчас привлекло другое. Поначалу его удивила грубоватая манера речи чародейки и то, что она не стеснялась в выражениях. Однако, позже он обратил внимание на её далеко не изящную походку, а теперь на поведение за условным столом.

– Я слышал, что Гильдия магов принимала в свои ряды только аристократов. С каких пор всё изменилось?

Селина округлила глаза, а поняв, что подразумевает Меркопт, разъярилась ещё больше.

– Ты совсем ума лишился, проклятый фалиец? Я – Селина Лессон, дочь покойного графа Мэйсона Лессона! Я имею полное право решать как себя вести и как говорить и не потерплю грубостей от кого-то вроде тебя и, уж тем более, сравнений с простолюдинкой!

Рикила расхохотался, не замечая злобного взгляда Селины, и хлопнул Меркопта по плечу.

– Уверяю тебя, она дворянка, – сквозь слёзы выдавил воин. – Я встречал ещё более чудных.

– Надо же. А я и в самом деле подумал... – начал было Меркопт, но, поймав взгляд Селины, сказал другое. – Я не хотел тебя оскорбить.

Селина сердито буравила его взглядом. Поняв, что извинений не дожждётся, она поджала губы и процедила:

– Ладно. Буду надеяться, этого больше не повторится.

Где-то вдалеке одиноко завыл волк. Ирида вздрогнула, испуганно всматриваясь в темноту.

– Преследователей не слышно, и это хорошо, – произнёс Рикила, отставляя пустую кружку. – Не зверей нам надо бояться.

– Верно, – кивнула Селина. – Время ещё есть.

Кто знает, сколько им осталось? Вой вскоре затих, и ночную тишину нарушало лишь потрескивание костра.

– Позвольте, я начну первым, – предложил Меркопт.

Возражений не последовало, и некромант начал свой рассказ.

* * *

Прежде, чем приступить непосредственно к моей истории, я хочу, чтобы вы получили некоторое представление о Фальции, ведь всё, известное вам о ней, основано на сомнительных слухах.

Мой народ поклоняется Слепому Жнецу. Последователи Слепого Жнеца разыскивают детей, отмеченных его благословением, и забирают их в свои храмы. Позволения родителей никто не спрашивает, но, обычно, возражений и не возникает. Простой фалиец не имеет права роптать. Жителя любого города могут отправить на заклятие, могут отдать для экспериментов тёмным магам, и он и слова не скажет. Фалийцы в душе своей ничтожны, волю их ломают ещё в детстве, и они безоговорочно подчиняются жрецам и магам. Но всё это не относится к найденным последователями Слепого Жнеца детям.

Эти дети становятся некромантами и быстро привыкают к своему превосходству над другими. Вчерашние безропотные ничтожества становятся жестокими надзирателями. Семья, родственники, знакомые – для некроманта всё это остаётся в прошлом, он словно забывает об их существовании.

Думаю, вам это кажется странным. Катаронцам, добившимся чего-либо, свойственно тянуть за собой семью, да и вообще всячески поддерживать близких. У нас порядок совершенно иной. Иерархия превыше всего. Но почему же нет даже единичных попыток некромантов вырвать родителей из пучины унижения? Я долго размышлял на эту тему и понял: фалийцы – рабы до мозга костей. И даже высшие из них остаются рабами иерархии, действуя строго по предписанию. К этому нас приучают с детства.

Возможно, вы считаете, что всему виной ужасный Хранитель Полуночи? Если так, то вы ошибаетесь. Фалийцы всегда были такими, и появление Повелителя Тьмы почти никак не отразилось на нашей жизни. Хранитель Полуночи просто занял пустующее место хозяина в нашей иерархии.

Но продолжим про обычаи Фальции. Простые жители обязаны обзаводиться семьями. Исключительно для того, чтобы поддерживать численность населения. В то же время, привязанности и проявления чувств у нас не поощряются. Впрочем, возможно оно и к лучшему, учитывая, что твоего близкого человека в любой момент могут забрать для ритуального жертвоприношения. Жестоко? Согласен. Но до недавнего времени я не знал, что можно жить иначе, и считал такой порядок вещей естественным.

В отличие от обычных фалийцев, у некромантов другие приоритеты. Нам покровительствует сам Слепой Жнец, даруя силу для нашей магии. Открытие новых способов применения некромантии, совершенствование известных заклинаний, возвеличивание Тьмы и Смерти в наших деяниях – вот достойные цели для добросовестного некроманта. Нам не запрещено жениться, но разве можно предположить, что наделённый божественным даром некромант предпочтёт вместо всего выше перечисленного удовольствоваться семьёй? Тем не менее, столь необычные исключения случаются. Такими своеобразными некромантами оказались и мои родители.

Как я сказал, запретить им пожениться никто не мог, но они удостоились всеобщего презрения. Предпочесть семейную жизнь, удел простолюдинов, великим изысканиям казалось просто абсурдным. О нет, мои родители вовсе не отошли от дел, они готовы были служить Слепому Жнецу, как и раньше. Но ответственные задания им больше не доверяли, к ключевым исследованиям не допускали, и, как они ни старались, восстановить утраченное влияние не смогли.

И вот в такой презираемой всеми семье родился я. Меня рано забрали в храм Слепого Жнеца, но без устали напоминали, кто мои родители. Я родился с клеймом слабака и постоянно должен был оправдывать право на звание некроманта. Я стоял ниже любого другого ученика при храме. Мне поручали самую унижительную работу, надо мной издевались даже дети помладше. Разве это не иронично? Я, сын некромантов, унаследовавший талант к тёмным искусствам от обоих родителей, терпел насмешки вырожденцев из простонародья! Их родители, в отличие от моих, – всего лишь расходный материал для Тёмной Цитадели. Я дал себе слово, что заставлю этих ничтожеств себя уважать.

У нас не считается преступлением, если один ученик убивает другого, главное при этом – не попасться. Считается, что такое допущение поможет юным некромантам лучше приспособиться к полной интриг жизни в Тёмной Цитадели.

Я до сих пор отчётливо помню лицо первого убитого мной мальчишки – Дайвина. Его выпученные глаза, раскрытый в немом крике рот. Он решил, что поджечь одежду «любимого сыночка», вопя о «жаре материнской любви» во время уединённой молитвы будет забавным. Любимый сыночек... Я терпеть не мог это прозвище. Фалийцы, как считается, не любят своих детей, любовь – это слабость. Мои родители имели право жить свободно, но они поженились, значит, любят друг друга и меня, а, следовательно, вся моя семья – слабаки. Такова логическая цепочка мыслей тех, кто считал себя вправе надо мной издеваться. От горящей одежды мне удалось избавиться не сразу, а самоуверенный Дайвин за это время даже не поспешил убежать. Стоял и ухмылялся, глядя на мои попытки сбить пламя. Похоже, он и вправду считал меня слабаком, не способным дать сдачи. Какой ужас отразился на его лице, когда я обвинил его потоками магии! Он пытался сопротивляться, но в умении чувствовать и направлять тёмную энергию Дайвин был мне не ровней. Поняв, что не может освободиться, он хотел закричать, и я поспешил сжать ему горло, боясь быть обнаруженным. Первым моим желанием было разорвать Дайвина на куски, но я вовремя вспомнил, что нахожусь в святилище. Слепой Жнец не любит вида крови. И тут меня посетила прекрасная идея, и, гордясь своей изобретательностью, я сжал пути ещё туже. Дайвин задёргался, ужас в его глазах то и дело сменялся мольбой, а из горла не вырывалось ни звука. Оказалось невероятно забавным наблюдать за предсмертной агонией человека, неспособного закричать. Когда лицо Дайвина посинело, а сам он перестал дёргаться, я перенёс его тело на алтарь и уложил в ритуальную позу, накрыв глаза ладонями. Так приносят жертвы Слепому Жнецу.

Я уничтожил следы своего пребывания и, лишь когда Дайвина обнаружили жрецы и ученики, вернулся в святилище вместе со всеми. Думаю, многие догадались, чьих рук это дело, но доказательств не было. Удовлетворённые взгляды жрецов и испуганные учеников подсказали, что я на правильном пути. Столь изощрённое убийство подняло меня в их глазах.

Потом были и другие. Одной девочке, слишком острой на язык, я его вырвал, заставив захлёбываться кровью. Ещё одной по каплям выпустил всю кровь. А как-то раз я стал свидетелем преступления некоего Адама, ещё одного своего обидчика, и, шантажируя его, заставил убить своего друга. После я и с ним самим разделался. Всех перечислять не вижу смысла. Я не попался ни разу.

В некотором роде, цели своей я добился. Дети меня боялись, и насмехаться больше никто не осмеливался. Но, в сущности, пренебрежение к отпрыску некромантов являлось, скорее, традицией. Это было преступлением моих родителей, и с его влиянием я бороться мог. Но, если бы я сам проявил слабость, такого мне не забыли бы никогда. И я до смерти боялся, что мои настоящие слабости раскроются.

Нас учат причинять мучения, так как боль и страдания жертв служат главным источником тёмной энергии. Вы уже слышали, что я с детства убивал обидчиков и при этом находил пьянящее наслаждение в их страданиях. Не объяснить словами охватывающее меня чувство, переходящее в экстаз, когда в глазах обречённой жертвы видишь сменяющуюся палитру эмоций: понимание неизбежного, ужас, мольба, отчаяние, ненависть, раскаяние, иногда даже умиротворённость. Бесчувственное, поспешное убийство приносит мне разочарование. Как бы то ни было, убивать и мучить людей я научился и привык самостоятельно. Возможно, потому, что начал я со своих обидчиков, или потому, что неосознанно испытывал отвращение ко всем фалийцам с их рабским мировоззрением. Но обучать нас жрецы начинали на животных.

Воробьи, голуби, мыши, крысы, кошки, кролики, собаки – такие красивые! Я содрогался, глядя в их доверчивые глаза. Когда я прикасался к их пушистой шёрстке и мягким пёрышкам,

многие начинали ластиться, словно я их гладил. От этой искренности у меня на глазах наворачивались слёзы. Я должен их убивать? Почему!?

Многие ученики с улыбкой гладили животных, а потом с такой же улыбкой их пытали. Уши закладывало от криков несчастных зверьков. Вы знаете, как кричит обезумевшая от боли кошка? Её плач не отличить от человеческого. Видя восторг в глазах детей, я преисполнился к ним ещё большей ненавистью. И ничего не мог сделать. Если бы я отказался мучить животных, меня заставили бы делать это с утра до ночи, пока я не очерствел, поборов слабость, или не сломался, доказав свою несостоятельность. Ненавидя себя, проклиная свою никчёмность, я сжимал в руках мерзкий инструмент и приступал к экзекуции.

С тех пор мне каждую ночь снились кошмары. Я думал, что сойду с ума, но, к своему стыду, умудрился извлечь пользу из этой ситуации. На втором занятии я заявил о желании получить в качестве подопытного человека. Разумеется, мне его не дали, возможно, даже сочли меня самонадеянным хвастуном, но я требовал человека на каждом занятии и, в конце концов, добился своего. Спустя месяц в храм привезли женщину. Мэй, одна из учениц, проговорила, что это её мать. И я не мог не воспользоваться столь ценной информацией.

Мэй я ненавидел. Крикам умирающих животных всегда сопутствовал её смех. А поймать её, как других своих врагов, мне не удавалось, она была очень осторожна. И вот теперь появилась возможность наказать её. Когда мне отдали женщину, я с улыбкой предложил Мэй составить мне компанию.

Кто бы что ни говорил, а пытаться родного человека тяжело даже фалийцу. За побледневшей Мэй наблюдали и жрецы, и ученики. Вы уже должны были уяснить, что в Фальции одно решение может привести к стремительному взлёту или к столь же стремительному падению. Мэй согласилась. Но довести экзекуцию до конца не смогла. Не знаю, каким испытаниям после неудачи подвергли её жрецы, но, думаю, в результате она сломалась, так как больше я о Мэй не слышал.

А мне этот случай помог поднять авторитет и отказаться от работы с животными. Больше никто из жрецов и учеников не заикался о моих родителях. Однако, когда я стал полноправным некромантом, регулярно объявлялись желающие оспорить моё право на это звание. И каждому, кто презрительно кривился, услышав о Меркопте, плоде союза двух некромантов, я доказывал необоснованность их претензий. Но до убийств дело не доходило, такие шалости прощаются только детям.

Теперь вы знаете, в каких условиях я вырос. Я не пытаюсь оправдать этим свои преступления, но, надеюсь, мой рассказ хоть немного поможет вам понять меня.

Вы уже поняли, что я получал удовольствие, пытая людей. Для большинства некромантов пытки – это рутинная работа, которую они с радостью сваливали на помощников. Но мне нравилось доставлять боль и наблюдать за поведением жертв. Только криков я не любил и всегда заглушал их, как сделал это с Дайвином, своей первой жертвой. Если, конечно, от пленника не требовалось получить какие-то сведения. Тогда приходилось терпеть его вопли.

Это порочное пристрастие и повлияло на выбор предмета моих некромантских изысканий. Я изучал влияние страданий жертв на магические потоки. Воздействуя на разные болевые точки, я обнаружил, что тёмная энергия реагирует неодинаково. И не только на боль. Потоки отзывались и на негативные эмоции: страх, отчаяние, ярость. На каждую по-разному. Это было интересно. Я использовал людей, эльфов, орков, гномов; мужчин и женщин; стариков и детей; и сделал вывод, что немаловажное значение имеет личность пытаемого. Но общую закономерность я так и не вывел. Сильные результаты, как и слабые, случались в каждой подопытной группе. Поэтому я продолжал опыты, стараясь найти между схожими случаями связь, и при этом наслаждался самим процессом.

Признаюсь ещё в одной моей слабости – сам я до ужаса боюсь боли. И я постоянно жил в страхе, что эта слабость раскроется. Такова ещё одна из причин, подтолкнувшая меня к

выбору рода деятельности. Некроманты обязаны легко переносить боль, она наш верный спутник. Например, истязать себя, чтобы почерпнуть силы при отсутствии жертв. А при разрыве связи с сотворённой нежитью некромант всегда испытывает боль. При всех моих талантах, парализующий ужас перед болью сильно ограничивал мои возможности, как некроманта.

Моя жизнь текла размеренно и однообразно, год за годом, но в один момент всё изменилось. Я как сейчас помню тот пасмурный день, такой же мрачный, как и любой другой в Мёртвой пустыне. Затянувшие небо тучи уже неделю скрывали солнце, но так и не исторгли ни единой капли дождя. Сухой ветер гонял пыль по растрескавшейся серой земле.

В этом неприветливом месте мой отряд разбил лагерь. Склон холма усеяли пёстрые палатки. В центре возвышались шатры некромантов из чёрной и фиолетовой ткани. Их охватывало кольцо палаток пониже и попроще – для пленников, походных лабораторий и служебных нужд. Справа по склону расположились кособокие орочьи юрты из звериных шкур. Левую сторону занимали низкие холщовые палатки обслуги из числа людей.

Орочьих юрт было меньше десятка – большинство орков во главе с некромантом Сольвером отправились в рейд за пленниками. Со дня на день мы ожидали их возвращения. Я скучал без работы – последний мой испытуемый умер три дня назад. Эйфорию, которую я испытывал в процессе экзекуции, не могло заменить ничто, и я с нетерпением ждал новых жертв. Другие некроманты занимались исследованиями и наружу почти не выходили. Вокруг сновали слуги, бледнея и раболепно склоняясь, стоило им узнать меня. Конечно, все в лагере знали о моих пристрастиях, а потому боялись меня рассердить. Их трусливое желание угодить невероятно раздражало, но сделать я ничего не мог – слуг и так не хватало.

– Изнываешь от безделья? – прошепестел над ухом вкрадчивый голос.

Я подскочил и с раздражением обернулся. Мой помощник, как всегда, подкрался бесшумно. Разумеется, он виновато развёл руками, но в его глазах не было ни капли сожаления.

Впрочем, глупо ожидать от вампира проявления человеческих чувств. Хотя, он мог бы предупредить о своём приближении, а не появиться внезапно за спиной.

– Вайрис, твоя скалящаяся ухмылка – совсем не то, что я предпочёл бы сейчас видеть, – произнёс я.

Вайрис улыбнулся ещё шире, сверкая белоснежными зубами. Теперь слуги и вовсе старались исчезнуть из нашего поля зрения. Вайриса они боялись ещё больше, чем меня. Если я убивал кого-то из них редко и по прихоти, то Вайрису кровь нужна была регулярно.

– Я, на твоём месте, порадовался бы, – сказал вампир. – Я спас тебя от необходимости лицедреть этих ничтожных подхалимов. И не смотри на меня так, я знаю, хоть ты и не подаёшь вида, они тебя раздражают.

Как правило, некроманты берут в помощники либо молодых коллег, либо магов крови. Свалив кровавую работу на помощника, сам некромант получает возможность посвятить всё время научным исследованиям. Я же, по понятным причинам, занимался жертвами самостоятельно. Мог бы и вообще обойтись без помощника, но Вайрис... Чем-то он меня привлёк. Думаю, причина в том, что, пытая жертв, я пресыщался наплывом сильнейших чувств. А общение с абсолютно безэмоциональным вампиром стало своеобразным отдыхом.

Вайрис, надо отметить, оказался исключительной личностью среди потомственных вампиров. Он мечтал стать некромантом, что, разумеется, было невозможно – нельзя властвовать над нежитью, будучи ею. Но это не мешало ему увиваться за некромантами, с энтузиазмом оказывая помощь в их исследованиях. Вот только мало кто из моих коллег мог долго терпеть присутствие рядом нежити, обладающей собственной волей и разумом. Ну а я к нему привязался. Вайрис с жадностью следил за моими экспериментами, когда я позволял на них присутствовать. Кое-что он пытался сделать и сам, хотя, по-моему, единственная нежить, которую может создать вампир – это другой вампир.

– Не смотри на меня так сердито, – Вайрис пригладил шевелюру. – Я просто хотел сказать, что Сольвер сегодня вернётся.

– Сегодня? – я недоверчиво нахмурился. – Откуда ты знаешь?

Глаза Вайриса загорелись.

– Я уговорил Сольвера взять с собой мой камень души. В целях эксперимента. И я убедился в том, что давно предполагал – между мной и моей душой ещё есть связь. Я чувствую камень, когда Сольвер воздействует на него магией.

Пожалуй, единственное, что могло заставить Вайриса проявить хоть какое-то подобие чувств – это исследовательский энтузиазм.

– Интересно, – протянул я. – И как далеко сейчас находится Сольвер?

– Думаю, он будет здесь в течение часа. Так что перестань изнывать от тоски и готовься встречать материал.

Я улыбнулся. Приятная новость подняла настроение. Хорош же Вайрис – надо додуматься так использовать камень души! Большинство вампиров, как правило, не интересуются судьбой этого побочного продукта обращения. Ну а Вайрис сбережёт всё, что, по его мнению, представляет исследовательскую ценность.

– Вайрис.

– Я весь внимание.

– Скажи, почему ты стал моим помощником?

Вампир пожал плечами.

– Ты один из немногих, кто хотел работать со мной.

– Но среди них были некроманты, чьи исследования намного интереснее моих. Например, Катяна – красивая, жестокая женщина. Знаю, тебе такие нравятся. И ты, и твоё поле деятельности её привлекало. Но ты предпочёл остаться со мной. Почему?

Вайрис ответил не сразу.

– Ты такой же, как и я. Вампир, но несколько в другом смысле. Тебе нужны чужие эмоции так же, как мне – кровь.

Я удивлённо вскинул брови. С такой стороны я на это не смотрел. Интересная версия.

А тем временем, на горизонте появилось какое-то движение. Вайрис тоже его заметил и, оскалившись, довольным голосом сообщил:

– Это Сольвер. Совсем немного, и мы получим новых подопытных.

Я с любопытством всматривался в приближающуюся колонну. Слухи быстро распространились по лагерю, и другие некроманты тоже высыпали наружу встречать отряд. Вскоре уже можно было различить отдельных людей. Отряд вырос почти в два раза.

Вайрис настороженно принохивался.

– Ничего себе! – воскликнул он. – Они ведут эльфов! Солнечных эльфов!

Слова вампира немедленно подхватили остальные. Некроманты возбуждённо загомонили, обсуждая новость и нетерпеливо поглядывая в сторону всё ещё далёкой колонны.

Солнечные эльфы! Вот это добыча! За сорок четыре года в мои руки ни разу не попадал солнечный эльф: путь к Онрилл-Этилу преграждён Катароном и Анур-Этилом, а слухи приписывают солнечным эльфам славу непобедимых магов. Что, правда, противоречит их поражению в войне с Катароном. Как Сольвер умудрился их захватить?

Я уже отчётливо различал в отряде златоволосые головы. Вайрис что-то говорил, но умолк, поняв, что я не слушаю. Я дрожал от предвкушения скорой экзекуции. С чего же начать? Физическое истязание или магическое воздействие на болевые точки? А может, попробовать психологическое давление? Говорят, солнечные эльфы гордые, а, ломая сильные личности, порой можно получить больше эмоций, чем от грубых пыток.

И вот, отряд наконец-то вошёл в лагерь. Эльфы миновали серые фалийские палатки с высоко поднятыми головами, не удостоивая пленителей даже презрительными взглядами. О да, они куда более гордые, чем их лесные собратья. Это будет очень, очень интересно.

Некроманты обступили эльфов и Сольвера, засыпая последнего вопросами. Правда, меня сейчас мало интересовало, где Сольвер их нашёл и как пленил. Я жадно пожирал глазами самоуверенные лица, мечтая увидеть, как они исказятся от боли. Я желал смотреть в их золотистые глаза и упиваться властвующим там ужасом.

Тучи разрешились долгожданным дождём. Вода лилась потоком, словно стараясь в одночасье восполнить недели засухи. Эльфы со связанными руками, в потрёпанной одежде моментально промокли до нитки. Их лица не изменили надменного выражения, но теперь показное высокомерие выглядело жалким и нелепым.

– Каковы гордецы, а? – посмеиваясь, обратился ко мне Сольвер. – Меркопт, мне нравится твой взгляд. Небось заждался, а? Выбирай любого.

Я обвёл глазами пленников. Некоторые из них после обращения Сольвера обратили на меня полные презрения взгляды. И всё же, расширенные зрачки выдавали тщательно скрываемый страх. Я всматривался в каждого и всё больше разочаровывался. Они уже боялись до безумия, а значит, пыток долго не выдержат. Я уже готов был указать на первого попавшегося эльфа, когда моё внимание привлекли её глаза.

Она смотрела на меня с вызовом, и, в отличие от других эльфов, натянувших на лица холодные надменные маски, её глаза полыхали ненавистью. С налипшими на лицо мокрыми волосами, дрожащая от холода, она, тем не менее, излучала истинное величие. Но, что самое удивительное, в её открытом взгляде не было страха.

– Эту, – я указал пальцем на смелую эльфийку.

– Хороший выбор, – усмехнулся Сольвер. – Забирай.

– Вайрис, отведи её в мою лабораторию, – распорядился я.

Вампир, поклонившись мне, повёл девушку через лагерь, галантно придерживая её под локоть и приноравливаясь к мелкому шагу пленницы. Вайрис предвкушал удовольствие от предстоящей экзекуции, но сегодня ему придётся потерпеть. Я намеревался начать знакомство с эльфийкой без постороннего присутствия.

Я на минутку заглянул в шатёр, служивший мне в этом неудобном месте жилищем. Подготовка не менее важна, чем сам процесс экзекуции. Неторопливое облачение в чёрную робу, мытьё рук, укладывание в рабочую сумку ровной стопки чистых полотенец – я наслаждался этим, предвкушая грядущее удовольствие. Я вознёс молитву Слепому Жнецу и направился к палатке-лаборатории, уже ощущая приближение эйфории. Вайрис приветливо улыбнулся мне, но улыбка испарилась, когда я не пригласил его за собой. И вот, я задёрнул полог палатки и остался наедине с вождельной жертвой.

Она сидела на стуле, поджав худые ноги. Вайрис освободил её руки от пут – из лагеря она всё равно не смогла бы выбраться. Увидев, кто вошёл, эльфийка выпрямилась, прожигая меня ненавидящим взглядом. Сложно было представить, что столь прекрасные глаза, цветом и блеском напоминающие золотистые топазы, способны излучать такую ненависть. Мокрые волосы тёплого медового оттенка по-прежнему облепляли её лицо. Я только сейчас заметил, что они неровно обрезаны. Наверное, орки таким способом решили поглумиться, ведь большего Сольвер им не позволил бы. Но это ничуть не портило её красоту. Аккуратный прямой носик, тонкие губы, высокие скулы – все черты лица идеально гармонировали друг с другом. Светлая кожа, даже покрытая пятнами грязи, казалась нежной и гладкой.

Я поймал себя на мысли, что люблю пленницей. Это меня удивило. Конечно, даже при всей своей порочности, я способен оценить истинную красоту. Я замучил многих прекрасных эльфиек, но никогда раньше мысли о их совершенстве не отвлекали меня от дела.

Это раздосадовало меня, но я быстро взял себя в руки. Девушка продолжала испепелять меня взглядом, не заметив моей заминки.

Я растопил очаг и оторопел, когда в глазах эльфийки промелькнула благодарность. Её благодарный взгляд доставил мне радость! Радость, поглоти её Бездна! Я хотел видеть в её глазах ужас, упиваться её болью, а сам почти растаял от её робкой улыбки!

В итоге, растерявшись, но всеми силами стараясь сохранять спокойствие, я начал вовсе не с того, что планировал.

– Встань, – эльфийка подчинилась приказу, и ненависть, к моему удовлетворению, вернулась в её глаза.

Я подошёл к ней, но тут же пожалел об этом: желание коснуться её нежной кожи и мягких волос стало почти непреодолимым. Хотя, почему меня это испугало? Она моя пленница, и я вправе делать с ней всё, что захочу. Могу даже изнасиловать. От этой мысли кровь прилила к моим щекам. Эльфийка, похоже, догадалась, о чём я подумал, так как внезапно покраснела и широко распахнула золотистые глаза. Смушение сделало её ещё прекраснее. А чтобы вызвать её страх, как оказалось, вообще не потребовалось моих усилий. Странно, но меня её страх не порадовал.

Почему она испугалась только сейчас? Попав в плен к фалийцам, она знала, что её ждут страдания и унижения, но держалась лучше остальных соплеменников. А теперь, оставшись наедине со мной, она испугалась? Я ведь даже не начал экзекуцию! И почему меня так разозлил её страх?

Я постарался заставить себя мыслить трезво. Эльфийка, дрожа, одёргивала потрёпанное платье, словно только сейчас обнаружив, в каком оно плачевном состоянии. Что ж, раз её пугала моя близость, я должен был этим воспользоваться. Тем более, как ни странно, этого мне хотелось больше, чем хладнокровно пытаться её.

Я провёл пальцами по её щеке и встретил взгляд полных ужаса глаз. К моему удивлению, меня это задело. Я же не сделал ей ничего страшного! Почему девушка меня боится? Я вздрогнул. А почему мне так неприятен её страх? Ведь такой реакции я и добивался. Тьма и Бездна! Я не хочу, чтобы она боялась моих прикосновений! Не хочу!

Я погладил её обрезанные волосы. Такие мягкие! Широко распахнутые топазовые глаза оказались совсем близко. Сквозь плену желания я отрешённо отметил, что страх в них сменился яростью.

Лицо пронзила резкая боль. Я вскрикнул и отскочил от девушки, прижимая ладонь к горячей щеке. Отняв руку, я обнаружил на пальцах кровь. Девушка выглядела обескураженной, и это меня разозлило. Я уже рассказывал вам о боязни боли, моей слабости. А сейчас я выдал эту слабость пленнице, и её растерянность подтверждала, что она сделала верные и самые невыгодные для меня выводы. Увидев мой страх, она забыла о своём.

Рыча, я схватил её за руки. Сдавленно пискнув, девушка попыталась вырваться, но я без труда стянул с её пальца кольцо. Кольцо, повёрнутое камнем к ладони – им эльфийка меня и поранила. Оттолкнув девушку, я вышел из палатки, сжимая в руках трофей. Необходимо было привести мысли в порядок.

Боль в щеке мешала сосредоточиться. Рана всё ещё кровоточила. Я стал рассматривать отнятое у эльфийки кольцо. Оно казалось не выкованным, а сплетённым из множества тонких золотых проволочек. Аквамарин, выглядывающий из их причудливого переплетения, был обогрён моей кровью.

Я спрятал кольцо в карман и закрыл глаза, стараясь отрешиться от боли. Тьма и Бездна, можно подумать, это моя первая жертва. Её храбрость, искренность и красота привлекали меня, но неужели я оказался настолько очарован, что потерял бдительность?

В голове творился какой-то хаос. Я хотел заставить пленницу трепетать от страха, но её ужас не приносил мне удовольствия. Мысль о том, чтобы причинить ей боль, внезапно пока-

залась мне святотатственной. Я вспомнил её глаза, вспомнил охвативший меня восторг, когда увидел в них благодарность. Что со мной произошло? Даже прикоснуться к пленнице казалось мне невыносимым кощунством. Я хотел любоваться ей, а не пытаться её. Видеть в топазовых глазах радость, а не ненависть.

– Тебе понадобилась помощь? – с надеждой прошелестел внезапно появившийся Вайрис.

– Нет. Не сегодня.

Никогда. К этой девушке я Вайриса не подпущу.

Вампир не отрывал взгляд от моей раны.

– Мне казалось, я слышал твой крик, – произнёс он.

– Просто не ожидал от неё сопротивления.

– Для тебя это не свойственно, – покачал головой Вайрис. – Уверен, что обойдёшься без меня?

– Разумеется, – тревога вампира вкупе с его желанием поучаствовать в экзекуции начала меня злить.

– Ты выглядишь странно, – не унимался помощник. – Совсем не так радуются долгожданной жертве.

– Вайрис, найди себе дело где-нибудь подальше от меня. Ты мешаешь мне сосредоточиться.

Вампир поджал губы.

– Как пожелаешь, – бросил он и зашагал прочь.

Обиделся. Но сейчас меня это мало волновало. Ведь в палатке ждала своей участи солнечная эльфийка, заставившая меня опозориться перед собой и помощником. Я попытался вырвать из памяти вождение, охватившее меня от простых прикосновений и близости её взволнованного дыхания. Нельзя поддаваться желанию, если оно затмевает разум. С трудом настроившись на рабочий лад, я вернулся в палатку.

И все мои усилия едва не пошли прахом, когда я увидел сочувствующий взгляд сидящей на стуле пленницы. Подумать только! Она меня жалела!

– Я не разрешал тебе садиться, – произнёс я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более бесстрастно.

Эльфийка испуганно захлопала глазами и медленно встала. Медленно! Мой разум затопила холодная ярость. Да она насмехается надо мной!

Девушка сдавленно пискнула и дёрнулась, когда я сковал её воздушными путами. Чары, подчиняясь моей воле, подняли её в воздух. Распята над землёй эльфийка хотела закричать, но из раскрытого рта не вырвалось ни звука. Глаза девушки округлились. Магические потоки запульсировали, отвечая на переполняющий её ужас. Она дёрнулась, когда её коснулось моё заклинание. Я знал – сейчас эльфийка чувствует, будто тысячи иголок вонзились в её тело.

Принесло ли это мне удовлетворение? Отнюдь. Девушка извивалась, тяжело дыша, насколько позволяли ей невидимые путы. Побелевшие губы раскрывались в безмолвном крике. Потоки тёмной энергии скользили между моих пальцев, искрясь и переливаясь в ответ на боль и страх солнечной эльфийки. О да, я разглядел несколько новых необычных нитей, требующих изучения, но никак не мог сосредоточиться на них. Эльфийка больше не смущала меня взглядом, да она и не могла ничего разглядеть сквозь пелену боли. Однако я нервничал и никак не мог полностью отдаться процессу. Муки беспомощной девушки впервые не доставляли мне удовольствия.

Я заметил на щеках эльфийки слёзы и замер в замешательстве, наблюдая за их медленным движением по гладкой коже. Потоки тёмной энергии всколыхнулись и искривились, словно пытаясь обойти девушку стороной. Я никогда раньше не сталкивался с таким эффектом. Запечатлеть, запомнить, воспроизвести и изучить – вот что я должен был сделать и сделал

бы, находясь в здравом уме. Но замороженный молчаливыми слезами эльфийки я едва обратил на них внимание.

Бесполезно. Злясь на себя, я распустил заклинания, и девушка с тихим стоном рухнула на пол. Не глядя на неё, я вышел из палатки. Пока я не могу справляться со своими эмоциями, это просто бессмысленная трата времени.

Как ни странно, Вайриса снаружи не оказалось. Приводить пленницу в порядок самостоятельно я не собирался, поэтому решил поискать помощника в палатках коллег. Тех, разумеется, что были не против принимать посетителей во время экспериментов.

Пытаемые в палатках коллег эльфы не вызвали у меня никакого сострадания. И что не так с моей пленницей? Быть может, попросить Сольвера заменить её? Нет, это вызовет ненужные вопросы. Тем не менее, в лабораторию Сольвера я всё же заглянул. И, помимо самого некроманта, обнаружил там и своего помощника.

– Так быстро? – вампир и не пытался скрыть удивление. – Что случилось?

Я скрипнул зубами. Сольвер с интересом уставился на меня. Хотя он и не сплетник, Вайрису стоит лучше следить за тем, что и при ком он говорит. Да и по моим ощущениям времени прошло предостаточно.

– Разве быстро?

Вампир изучал меня внимательным взглядом.

– Прошло всего два часа, Меркопт.

Я надеялся, что на лице не отразилось моё потрясение. Обычно я тратил на пленников часов шесть. Да, сегодня я покинул палатку раньше. Но всего два часа?

– Не важно. Иди и приведи пленницу в порядок. Кажется, её вырвало.

Вайрис подчинился, как ни странно, без всяких выражений. Я вышел следом, извинившись перед Сольвером за беспокойство. И тут вспомнил – ведь помощник был на меня обижен. Его так шокировало моё поведение, что обида отошла на второй план, уступив место любопытству? Меня это совсем не обрадовало.

Когда я вернулся к палатке, Вайрис как раз покидал её. По его взгляду я понял – вампир разочарован.

– Девчонка спит, – буркнул он. – Отключилась, по-видимому, сразу.

В его глазах читался невысказанный вопрос: что меня так взволновало? Но спрашивать Вайрис ничего не стал – побоялся показаться невнимательным и поверхностным и тем самым рассердить меня. Это принесло мне некоторое облегчение – вампир решил, что меня потрясли результаты исследований, которые ему малопонятны, но очень интересны. Пойми Вайрис истинную причину моего срыва, он бы повёл себя совсем по-другому.

– Хорошо. Можешь идти.

Вайрис ушёл. Молча, без привычных шуточек и предложений помочь. Не найдя в эльфийке ничего интересного, он снова вспомнил об обиде.

Я вошёл в шатёр. Девушка действительно спала, свернувшись калачиком возле очага. Такая реакция после пыток не редкость. Затаив дыхание, я присел рядом с эльфийкой. Сейчас меня не выводил из равновесия взгляд её золотистых глаз, и я хотел получше её рассмотреть. Вайрис умыл пленницу, и сейчас она, спящая, умиротворённая, с мерно вздымающейся грудью, показалась мне самым совершенным земным творением. Открытая, светлая, невинная и абсолютно здесь неуместная. Её чистота словно изобличала мою порочность. Я трепетал, как недостойный жрец перед внезапно открывшейся ему священной тайной.

Разум упорно напоминал мне, что передо мной простая пленная эльфийка, каких десятки сейчас в лагере, расходный материал, подопытная для магических исследований. Но я видел перед собой святыню. Я глядел на спящую эльфийку и наблюдал, как рушится мой привычный мир.

Тогда я не стал её будить и подвергать новым мукам. Мне нужно было обдумать, что со мной происходит и как с этим бороться.

Я вернулся на следующее утро, полный решимости. Эльфийка сидела на полу, но вскочила на ноги, едва я вошёл.

Она помнит, за что я наказал её в прошлый раз.

Я снова видел страх в её чудесных, добрых глазах. Но было там и сожаление.

– Привет. Прости за этот шрам. Я не хотела, я забыла про кольцо. Я могу исцелить рану, если хочешь.

Она произнесла это всё быстро, избегая моего взгляда, словно боясь, что я снова её накажу.

– Пусть останется, как напоминание о моей слабости.

Эльфийка кивнула и опустила глаза, не зная, что делать дальше. Я же захотел продолжить разговор.

– Как тебя зовут?

– Аня.

– Ты понимаешь, что умрёшь здесь, Аня?

Она вздрогнула и бросила на меня полный ужаса взгляд. Я почувствовал стыд, но хладнокровно подавил его. Я должен был перебороть свою слабость.

– Почему? Я же не сделала ничего плохого. Я не хочу умирать.

– Потому, что мне нужна твоя боль, твои страдания, твои слёзы. Я некромант, и в чужих муках я черпаю силу. Тебе действительно нужно прощение такого человека за какой-то ничтожный шрам?

Аня молчала, слишком подавленная, чтобы говорить. Довольный победой, я приступил к экзекуции.

Она трепыхалась в моих магических путях, безмолвная и беспомощная, как бабочка в паутине. Я мучил её с удвоенной страстью, стремясь наверстать упущенное за вчера. Вымотавшись сам и доведя до изнеможения её, я опустил пленницу на пол и, ликуя в душе, направился к выходу, когда меня настиг её сдавленный голос:

– Прости меня...

Стена хладнокровия, которую я возвёл вокруг сердца, рухнула, и душу мою вновь затопил стыд за совершённое святотатство. Я ушёл, надеясь, что эльфийка не заметила моей борьбы. Аня... Почему она продолжает извиняться за этот шрам? Она хочет прощения за такую мелочь, а я, пытая её, чувствую себя стократ более виноватым.

Я понял, раз не могу бороться с Аней, то должен убить её. Лучше так, чем вовсе отказаться пытать её, продемонстрировав слабость.

Но я не смог сделать этого. Смотрел на неё, дрожащую от боли в моей паутине, и не мог заставить себя прекратить её мучения. Все чувственные нити, все болевые точки, ясные и чёткие под моим опытным взглядом. Тянуть их и надавливать, при этом оставляя жертву живой, в сознании и сохраняющей рассудок – настоящее искусство, которому я учился годами. Казалось бы, одно решительное движение: грубо схватить нити и рвануть, ударить по болевым точкам всей силой, и эльфийка умрёт мгновенно.

Я этого не сделал. Я не смог её убить. Покинув Аню и вернувшись в спальную палатку, я остался наедине со своей мятущейся душой. Той ночью я второй раз в жизни разрыдался. Я испытывал отвращение к себе и не понимал, как мне поступить дальше.

Знакомо ли вам чувство, когда всё, во что вы верили, обращается в пыль? Ты ясно видишь свою цель, годами прокладывая к ней путь, считая его идеальным и единственно верным. И вдруг чужая, неведомая сила словно возносит тебя над реальностью, заставляя увидеть мир иначе, под другим углом. И ты понимаешь, что знаком был лишь с малой его частью, а избранный тобой путь не просто ничтожен, но и ведёт в тупик.

Я пережил крушение идеалов и окунулся в этот новый, неведомый мир. Мне нужно было учиться жить заново. В то утро я шёл к Анье, не зная, как поведу себя с ней. Я ничего не планировал, ни к чему не готовился. Я просто хотел разобраться.

Анья уже ждала меня, чистая и подготовленная к экзекуции. Когда я вошёл, она осталась сидеть. Наверное, поняла, что покорность и готовность выполнять приказы не смягчат её участь. Чудесные топазовые глаза покраснели от слёз, а взгляд стал печальным и отрешённым. У меня заныло в груди – я уже надломил её душу.

Я не знал, о чём с ней говорить, не представлял, что делать. Просто сел напротив неё и сказал первое, что пришло в голову:

– Привет, Анья.

Она посмотрела на меня настороженно, словно ожидая подвоха. Я страстно желал, чтобы ничто в моём облике не напугало её, и возликовал в душе, когда она робко улыбнулась и ответила:

– Привет.

Воодушевлённый, я решил продолжить. Просто поговорить обо всём, что взбрёт в голову. Я надеялся, это отвлечёт Анью от мрачной реальности и вернёт улыбку её лицу. Я подозревал, что только такая Анья: жизнерадостная, искренняя, настоящая – поможет мне разобраться в себе.

– Расскажи о себе, Анья.

– Что рассказать? – в её голосе снова промелькнул страх, и я постарался ответить как можно спокойнее.

– Что хочешь. Где родилась, чем занималась, кто твои родители. Или любое другое, что захочешь высказать.

– Ладно, – неуверенно начала Анья. – Я из Онрилл-Этила, из города Офесса, что на границе с Катароном. Мои родители – целители. И я тоже буду целительницей, когда закончу обучение. Мы отправились в Зачарованный лес потренироваться вдали от онриллов. Чтобы понять свои возможности при недостатке сил. И тогда... тогда... ваши монстры...

Она потупилась, вновь погружаясь в отчаяние, и я поспешил отвлечь её от скорбных мыслей.

– Можешь задавать мне вопросы, какие хочешь. Если это в моей власти, я отвечу. Не бойся спрашивать, обещаю, это не повлечёт никаких наказаний.

– Хорошо, – она подняла на меня глаза, в которых заметно прибавилось решимости. – Почему ты меня мучаешь?

Ох, я должен был предположить, что ничего хорошего из этого разговора не выйдет. Но, так как я пообещал, пришлось отвечать:

– Такова моя работа. Тёмные маги черпают силы в страданиях жертв.

– Значит, я просто случайная жертва?

– Да.

– Я правда умру здесь?

– Да.

Едва ответив, я осознал, что всё бы отдал, лишь бы это было неправдой! Внезапно я понял – со смертью Аньи часть моей души тоже умрёт.

Анья же гордо вскинула голову, с готовностью принимая свою судьбу.

– Я рада, что моих родителей и тысячи других благородных эльфов такая участь миновала. Я благодарна Свету, что вам досталась всего лишь я, а не лучшие из лучших служителей Добра и Мира.

Она смотрела на меня с вызовом, словно обречённая на смерть королева.

– Такое благородство свойственно немногим, – медленно произнёс я, очарованный её пламенной тирадой.

– Я ничем не примечательная солнечная эльфийка. Приступай же к своей работе, жестокий некромант. Не смущай моё сердце пустыми разговорами.

Однако, я видел, что решимость вот-вот оставит её. Аня боялась предстоящих пыток. Я ждал, сам не знаю, чего. Аня, не выдержав моего взгляда, не понимая причины бездействия, сникла и разрыдалась.

– Чего ты ждёшь, некромант? Чего добиваешься?

– Меркопт. Меня зовут Меркопт.

И я внял её просьбе, поняв, что дальше тянуть нельзя. Я старался ограничиться минимумом манипуляций, причинить ей как можно меньше страданий. И всё равно содрогался каждый раз, когда магический импульс, вызванный её болью, отзывался в энергетических потоках. Мне казалось, эта пытка продолжалась вечно. Я не хотел мучить Аню, но не знал, как избежать этого.

Я осторожно опустил её на пол. Она обмякла и сжалась, тело её содрогалось в рыданиях. Внезапно до моего слуха донеслись её слова, отчётливые и от того ещё более пугающие:

– Меркопт... Убей меня, пожалуйста. Я больше не могу терпеть эту боль.

Остолбенев, я смотрел на неё, не зная, что ответить, и, видимо, было в моём взгляде что-то, удивившее Аню настолько, что она прекратила плакать.

– Не могу, – вот и всё, что я сумел произнести, покидая её палатку.

Однако, описывая вам своё противостояние с Аней, я отвлёкся от событий, происшедших в нашем лагере. Вайрис упивался обидой ровно два дня, затем не выдержал и вновь стал упрашивать меня позволить ему понаблюдать за процессом. Разумеется, я отказывал, но избавиться от его общества не мог – ведь в обязанности вампира входило приводить мою пленницу в порядок и кормить её. Я проводил с Аней лишь несколько часов в день, как и с любым другим пленником, стараясь не вызвать подозрений. Вайрис же мог посещать эльфийку когда и сколько ему вздумается. Он не расспрашивал меня ни о девушке, ни о моих исследованиях, мне казалось, он хотел во всём разобраться сам. Оставалось лишь надеяться, что в своём любопытстве он не перейдёт границ дозволенного.

Вовсе отказаться от услуг помощника я не мог, опять-таки опасаясь вызвать подозрения. Словами не передать, как меня выматывала необходимость сохранять авторитет. В последние годы мне это удавалось без труда, но сейчас всё могло рухнуть в один миг из-за малейшей оплошности.

Возвращаясь к событиям последнего дня. Когда я, смятённый, вышел от Ани, вокруг царило непривычное оживление. Как оказалось, вернулся последний ожидаемый нами отряд с пленниками, и слуги уже начали сворачивать лагерь.

Меня удивило, что Вайрис меня не предупредил. В таких случаях я разрешал ему прерывать экзекуцию. Более того, он обязан был её прервать. Однако, не сделал этого. Вокруг сновали орки и люди, нагружавшие повозки под контролем некромантов, и перегонявшие пленников. Но своего помощника я нигде поблизости не видел.

Я отдал необходимые распоряжения обслуге касательно моих вещей и занялся поисками Вайриса. Вампира я обнаружил вместе с Сольвером.

– Уже освободился, Меркопт? – с улыбкой обратился ко мне Вайрис.

– Как видишь. Ты должен был зайти и предупредить меня о сборах.

Вампир с издевательской улыбкой развёл руками.

– Эти четыре дня ты так упорно запрещал мне нарушать твоё уединение с эльфийкой, что я решил не сердить тебя, отвлекая из-за такой мелочи от важных исследований. К тому же, – Вайрис одёрнул манжеты на руках. – Сольвер предоставил мне собственных пленников и предложил стать его ассистентом. Знаешь, я счёл это более заманчивым, чем выносить помой за твоей эльфийкой.

Я перевёл взгляд на Сольвера, но по его лицу сложно было понять, о чём он думает. Казалось, происходящее его забавляло.

– Удачи, Сольвер, – сдержанно произнёс я. – Надеюсь, он тебя не разочарует.

Отвечать вампиру я счёл ниже своего достоинства.

В душе я ликовал: Вайрис сам избавил меня от своего присутствия. Теперь мне не придётся юлить и избегать собственного помощника. Тогда я так обрадовался, что не придал особого значения нашему короткому разговору. Хотя, вспоминая о нём теперь, я нахожу, что Вайрис вёл себя чересчур вызывающе, даже для своей природной склонности к острологии. Он хотел спровоцировать меня. Зачем? Возможно, желал продемонстрировать, что теперь он под защитой Сольвера. Ведь, по сути, я должен был пресечь столь бестактное поведение вампира. Тогда бы Сольвер вступился за него, как и планировал Вайрис.

Тогда я так радовался, ведь скрывать разлад в душе от окружающих теперь будет намного проще. Но совсем не подумал, что без помощи Вайриса мне придётся гораздо чаще общаться с пленницей, привнёсшей хаос в мой холодный разум.

Содержимое обеих моих палаток теперь находилось в одной повозке. И передо мной встал вопрос – куда поместить Анью? Разумнее всего было бы заставить идти её следом за обозом, скованной с другими пленниками. Так поступало большинство некромантов, ведь такое путешествие – действенная душевная пытка. Жертвы, вместе попавшие в плен, видят, как мало их осталось, а выжившие изранены физически и сломлены духовно. Страшное испытание, которое мало кто выдерживает. Если рассуждать здраво – идеальный для меня вариант – я мог безболезненно и без подозрений избавиться от общества Аньи и вернуться к привычной жизни. Но я представлял, как Анья бредёт в веренице других пленников, согнувшаяся под тяжестью цепей, как она смотрит в погасшие глаза собратьев, видя в них безумие и смерть, и меня охватывал ужас. А в памяти огнём отдавались её слова: «Меркопт... Убей меня, пожалуйста».

И я принял решение: на время путешествия поселил Анью в своей повозке. Я знал, мне будет тяжело, но поставил её жизнь выше своего покоя. Совершенно несвойственный мне поступок, но вы уже должны были понять, в каком смятении я находился. Я не думал о том, как мои решения отразятся на будущем, и запрещал себе думать об этом.

И вот, наш большой отряд тронулся. Моим фургоном правил слуга по имени Койн – ничем не примечательный фалиец, вечно смотрящий под ноги и сжимающийся от страха при приближении любого некроманта. Он управлял моей повозкой при походе в Мёртвую пустыню, поэтому я запомнил его. Теперь я изучал его куда более пристально. Койн будет рядом со мной и Аньей всю дорогу, кто знает, что ему удастся услышать?

Побоится ли он донести другим, узнав нечто, порочащее меня? Вот что меня волновало. Поэтому я не вошёл в фургон, а уселся на козлы рядом с насмерть перепугавшимся Койном.

Какое-то время я молча наблюдал за его реакцией, раздумывая, что делать дальше. Проще всего было бы лишить Койна слуха – в Фальдии считается в порядке вещей калечить слуг ради сохранения тайн. Это никого бы не удивило, но привлекло внимание – что такое я желал скрыть? Поэтому я должен был найти другой выход. Убедившись, что нас никто не слышит, я заговорил со слугой:

– Тебя зовут Койн, верно?

Мужчина вздрогнул и судорожно закивал:

– Верно, господин.

– Койн, ты видел мою пленницу?

– Да, господин.

– Хочешь оказаться на её месте?

Койн открыл рот и закрыл, прохрипев что-то нечленораздельное, и сжался ещё сильнее, хоть это и казалось невозможным.

– Койн, находясь так близко ко мне и моей пленнице, ты случайно можешь услышать нечто, не предназначенное для твоих ушей. Если в отряде обо мне поползут нелюбезные слухи, виновником я буду считать тебя. В твоих интересах позаботиться, чтобы подобных недоразумений не возникло.

С этими словами я забрался внутрь повозки.

Изнутри фургон освещался развешенными по углам магическими кристаллами. Мне нравился их мертвенно-голубой свет, но Анью я хотел видеть при живом пламени. Поэтому в дополнение к кристаллам я зажёл обыкновенную свечу. Эльфийка сидела в углу на сундуке, связанная по рукам и ногам. Когда я приблизился освободить её, она даже не вздрогнула. И это наполнило радостью моё сердце.

– Ты больше не боишься меня?

– Боюсь, – немного замешкавшись, она добавила. – Но не так, как раньше.

Я возился с путами, впервые после нашей встречи прикасаясь к её коже. Аня не дрожала и не сопротивлялась, как тогда. Спокойно склонялась и поворачивалась, чтобы мне легче было её развязать. Я запоздало подумал о том, что она за часы ожидания могла бы найти какое-либо оружие и сейчас пустить его в ход, но эта мысль показалась мне нелепой. Я словно знал – Аня так никогда не поступит.

Наконец, я закончил. Аня размяла затёкшие руки, растёрла ноги и улыбнулась мне. Я мечтал увидеть на её губах улыбку, но теперь сбывшаяся мечта вызвала прилив крови к лицу.

– Не вижу смысла в таких предосторожностях, – я кивнул на валявшиеся на полу верёвки. – Вокруг слишком много фалийцев, чтобы ты могла сбежать.

Аня кивнула.

– Спасибо. Без них намного лучше.

– Нам предстоит проделать долгий путь в этом фургоне, – продолжал я. – Постарайся не делать глупостей, о которых потом придётся пожалеть.

– Не буду, – и я почему-то безоговорочно поверил в её честность. – Оказывается, у тебя красивый голос. Раньше я этого не замечала.

Я потерял дар речи, не зная, что и сказать на это. Золотистые глаза Ани приковали мой взгляд.

– Меркопт.

– Да?

– Ты не хочешь убивать меня?

– Не хочу.

– Почему?

– Не знаю. Я пытался, но не смог. Не решился.

Аня опустила глаза.

– Но это значит, ты опять будешь пытаться убить меня? Снова и снова?

– Нет. Я больше не хочу этого делать.

Она улыбнулась, и лицо её излучало умиротворение, которое передавалось и мне.

– Я рада. Ты вовсе не такое чудовище, каким хочешь казаться.

Я тяжело вздохнул.

– Мне бы хотелось всего лишь казаться чудовищем, но ты ошибаешься, Аня. Я ужаснее, чем ты можешь себе представить. Я убивал и мучил с детства. Я наслаждался этим!

– Но ты нашёл в себе силы остановиться.

– Нет. Будь на твоём месте кто-то другой, я бы оставался прежним.

Она замолчала. Надолго. Я испугался. Вдруг я слишком упорно настаивал на своей порочности и убедил Аню, что недостойна её сострадания? Но Аня заговорила вновь, ещё радостнее и увереннее, чем прежде:

– Значит, само провидение послало меня сюда, чтобы я привела твою заблудшую душу к Свету.

Она говорила с верой и искренностью ребёнка. Как бы мне хотелось, чтобы в её словах была хотя бы доля правды!

– Боюсь, я тебя разочарую, – прошептал я.

Аня прикоснулась к моей щеке, и у меня перехватило дыхание.

– Шрам... Ты так и не избавился от него. Я сожалею, что поранила тебя. Позволь мне исцелить твою рану.

– Нет, – она убрала было руку, но я успел перехватить её своей, не желая лишаться волшебного ощущения её прикосновения. – Я ни в чём тебя не виню. Ты поступила правильно.

– Тогда почему ты не хочешь, чтобы я избавила тебя от шрама?

– Когда я чувствую боль от него, думаю о нём, вижу его в отражении, я вспоминаю тебя.

Аня смутилась и высвободила руку из моих пальцев.

– Ты говорил, он напоминает о твоей слабости.

– Верно.

Какое-то время мы молча сидели рядом. Тишину нарушали скрип колёс, ржание лошадей и отдалённые разговоры.

– Раз уж мы заговорили о том случае, – произнёс я, – сожалею, что отобрал твоё кольцо. Вот, возьми.

Аня загадочно улыбнулась, глядя на протянутое колечко, и лишь покачала головой.

– Оставь его себе. Лучше думай обо мне, рассматривая колечко, а не страшный шрам.

– Это фамильная реликвия? Или подарок близкого человека? Если так, то я не могу принять столь ценную для тебя вещь.

Аня покраснела.

– В нём нет ничего особенного. Такие кольца носят все девушки Онрилл-Этила во время... девичества. Их снимают, когда становятся взрослыми. То есть... выходят замуж.

Меня это настолько смутило, что я даже не нашёлся, как ответить. Просто молча спрятал кольцо обратно в карман. Аня, не поднимая глаз, теребила подол платья. Я заметил, что свеча почти догорела, и воспользовался неловкой паузой, чтобы заменить её на новую.

– А куда мы едем? – спросила Аня.

– В Фальцию. В Тёмную Цитадель.

Эльфийка поникла.

– Я слышала, там никогда не видно солнца. Это правда?

– Да.

– Ужасно. Как вы живёте без солнечного света?

– Когда ты не знаешь о существовании чего-либо, привычный порядок вещей кажется единственно верным. Большинство фалийцев умирают, так и не увидев чистого неба за свою жизнь.

– Как жестоко.

– Все нет. Они ведь не знают иного неба. Для них такая жизнь естественна.

– Это ещё хуже. Они рождаются во Тьме, они даже не знают о существовании Света. Им неизвестно о самой возможности выбора!

Я понимал, что говорит она не только о небе.

– Фалийцы сами выбрали такой путь. Они всегда выбирают Тьму.

– Каждый из них?

Аня смотрела на меня с вызовом. А я невольно вспоминал своевольных детей, не пожелавших принять фалийские порядки и превращённых в Рыцарей Смерти.

– Большинство. Но они и определяют будущее.

Опечаленная Аня покачала головой, но дальше спорить не стала. Вместо этого она спросила:

– Что теперь будет со мной?

Каждый раз я гнал от себя мысли о будущем Ани. Но теперь этот страшный вопрос задала она. Будь всё, как раньше, она бы в конце концов умерла, не выдержав ежедневных пыток. Но теперь... Даже, если я доведу её до Тёмной Цитадели, что делать дальше? Я не смогу прятать её вечно и защитить тоже не смогу. Это приводило меня в ужас.

– Я не знаю.

Аня долго и пристально смотрела на меня. Поняла ли она, какие мысли меня тревожили? Возможно. По крайней мере, настаивать на более определённом ответе она не стала.

– Сегодня меня наконец-то вывели на воздух, – заговорила Аня. – А я даже не поняла, день снаружи или ночь.

– Сейчас ночь. Ехать мы будем ночью, а днём останавливаться на привал.

– Понятно, – она окинула взглядом загромождённое пространство. – Где мне спать?

– Сейчас переложу вещи, и места будет достаточно.

Я расчистил для Ани угол, сдвинув в сторону сундуки и тюки. Она заулыбалась, когда я постелил для неё матрас и дал одеяло.

– Кажется, я уже вечность не спала в нормальной постели.

– Это меньшее, что я могу для тебя сделать.

Себе в другом углу я соорудил подобие постели из запасной одежды. Я не стал говорить Ане, что отдал ей свой матрас и одеяло. Она, столь прекрасная и чистая душа, вынуждена была жить в нечеловеческих условиях, а в последние четыре дня ещё и по моей вине. Она так сильно обрадовалась столь обыденной вещи, как постель... Меня жёг стыд, за то, что этой святой душе было отказано в элементарных удобствах.

Утром я проснулся в приподнятом настроении. Хоть неизвестность и пугала, Аня говорила со мной и улыбалась, а я наслаждался новым для меня ощущением счастья. Но радость была недолгой. Когда я пошёл за едой для себя и Ани, то столкнулся с Сольвером, и у нас состоялся разговор.

– Знаешь, Вайрис беспокоится о тебе.

– Вот как? На него не похоже.

Сольвер изучал меня пронизательным взглядом. Я же старался вести себя непринуждённо. И, хотя за годы службы в Тёмной Цитадели это вошло в привычку, сердце у меня стучало, как никогда.

– Он расстроен, Меркопт, он не понимает, что с тобой происходит. Признаться, я не особо прислушивался к его жалобам, но кое-какие странности вызвало беспокойство и у меня. Я знаю тебя как человека, не склонного менять привычки. Но новой пленнице ты уделяешь поразительно мало времени. А сегодня ночью я и вовсе не заметил магических колебаний в твоём фургоне. Я мог бы предположить, что твоя долгожданная игрушка чрезвычайно скучна, но тогда ты отправил бы её к другим пленникам, а не оставлял при себе. Всё ли в порядке, Меркопт?

Я ухмыльнулся как можно циничнее.

– Мне за сорок четыре года впервые в руки попала солнечная эльфийка, а ты хочешь, чтобы я убил её за неделю? Поменьше слушай Вайриса, он раздосадован, я понимаю, но столь редкой добычей я хочу насладиться сам.

Во взгляде Сольвера промелькнуло разочарование. Хотя, возможно, мне просто хотелось в это верить.

– Разумно. На твоём месте, я бы вообще не приближал к себе вампира. Безнравственные и злопамятные твари. Будь осторожнее, Меркопт. Странности ведут к подозрениям.

Сольвер не предупреждал меня. Он угрожал. Я уже вызвал у него интерес странным поведением, и он захотел проверить свои подозрения, поговорив со мной. И переманил моего помощника по той же причине. Теперь, думаю, он решил, что Вайрис воспользовался его подозрительностью для собственной выгоды. Вампир и личных пленников получил, и меня выставил не лучшим образом. Наверное, именно это и задело Сольвера. Я предположил, что Вайрис у него на службе не задержится.

За этими размышлениями я прятался от куда более важной проблемы: как мне поступить с Аньей? Теперь Сольвер, рассерженный Вайрисом, станет наблюдать за мной куда пристальнее. Лишь бы доказать, что он не орудие в руках мстительного вампира и действительно имел основания для подозрений.

Погружённый в тяжёлые раздумья, я вернулся к Анье. Она сразу заметила, в каком я состоянии, и встревожилась:

– Что случилось?

Я не мог ей лгать и не хотел снова видеть в её прекрасных глазах страх. Но успокоить её мне было нечем.

– Не будем говорить об этом.

– Меркопт...

– Я сказал – нет! Вот, держи. Ешь и не думай ни о чём.

Анья молча взяла миску с пресной кашей. Я сел напротив, механически поглощая завтрак. Как мне отвести подозрения, не заставляя Анью страдать?

В голову ничего не приходило.

– Они что-то заподозрили? – спросила эльфийка.

Я вздохнул.

– Да.

– Тебе могут причинить вред?

– Анья, я не...

– Ответь мне, Меркопт. Пожалуйста.

– Да. Могут.

Анья задумалась, сосредоточенно наморщив лоб. Затем решительно посмотрела мне в глаза и сказала:

– Не бойся причинить мне боль. Я вытерплю.

Я оторопел. А она продолжала, словно боясь, что решимость оставит её.

– Некроманты ведь чувствуют твою магию. Они знают, когда ты пытаешь меня, а когда нет. Поэтому не сомневайся, Меркопт. Я вытерплю.

– Нет, Анья. Я не могу. Я не хочу тебя мучить.

– Твоё сострадание согревает мне сердце. Оно придаёт мне силы. Я знаю, тебе трудно, как и мне, но мы всё преодолеем, – голос её дрогнул. – Пожалуйста, Меркопт. Не заставляй меня просить о таком.

Она поставила на пол пустую миску и закрыла глаза.

– Всё хорошо. Сделай это.

Если бы только я мог придумать решение получше! Страх за её жизнь и за мою лишал меня ясности мысли. И всё же... Теперь, когда Анья добровольно шла на пытки, мне ещё сложнее было поднять на неё руку.

Скрепя сердце, я вонзил нити магии в нервы эльфийки. Анья распахнула глаза, и боль, отразившаяся в её расширившихся зрачках, заставила меня дрогнуть.

– Анья, я не буду лишать тебя голоса. Как только ты закричишь – я остановлюсь.

Она до крови прикусила губу. А в контролируемые мной потоки хлынула энергия, десятикратно превышающая средний показатель. Такое я видел всего два раза за жизнь: когда некромант занимался самобичеванием, и когда я мучил одного фалийца, как мне казалось,

безумного. Только сейчас я понял, что такой поток чистой энергии даёт добровольное самопожертвование. Но я почти не почувствовал радости от своего открытия, ведь от моей магии страдала Аня.

Напрасно я надеялся побыстрее покончить с этой кошмарной затеей. Мгновения переходили в минуты, минуты – в часы, но Аня не издавала ни звука. Я не выдержал первым. Освобождённая от действия заклинания Аня едва не упала, но я успел подхватить её на руки. Тело эльфийки дрожало, но золотистые глаза глядели на меня с отвагой.

– Я могу вытерпеть ещё.

– Этого достаточно, – я положил её на матрас. – Отдохни.

Теперь, лишившись помощника, ухаживать за пленницей мне приходилось самому. И, знаете, это меня только радовало. Во-первых, не надо было оставлять Вайрису наедине с Аней, а во-вторых, убирая за ней, принося ей воду для умывания, следя за чистотой её одежды, я привносил хоть немного комфорта в её полную страха жизнь. И за эти мелочи она меня ещё и благодарила.

Вайрису я в тот день не встретил. А вот Сольвера видел, и по промелькнувшему на его лице раздражению понял, что он наблюдал за моей магией. Жертва Ани оказалась не напрасной. Хоть мне и не нравилась эта затея, она принесла плоды.

Тем не менее, другого способа избежать подозрений я не видел, и каждое последующее утро мы посвящали экзекуции. Этот ритуал причинял боль нам обоим, но, благодаря ему, весь день мы принадлежали друг другу, забыв о страхе быть разоблачёнными. «Наше испытание» – так Аня называла эту ежедневную пытку. Те дни, проведённые с ней, я вспоминаю с радостным трепетом.

Мы разговаривали часами. Я впервые откровенно рассказывал о себе и не стыдился своей слабости. В разговоре с Аней честность была совершенно естественной, я просто не мог представить, как с ней можно лицемерить. Её искренность, наивность и восторг, с которым она описывала события из своей жизни, заражали и меня. Излюбленными нашими темами стали Онрилл-Этил и Тёмная Цитадель, ведь Аня практически ничего не знала о фалийцах, а я – о солнечных эльфах.

Аня и её товарищи по несчастью, как я уже говорил, стали первыми солнечными эльфами, которых я увидел. Все свои представления о них я почерпнул от пленных катаронцев и лесных эльфов, и Аня им совершенно не соответствовала. Так и завязался один из наших разговоров.

Аня подстригала волосы, глядя в разбитое мною зеркало, а я любовался ею. Глядя на падающие на пол золотые пряди, я вспоминал доходившие до меня слухи о солнечных эльфах и никак не мог сопоставить их со стоящей передо мной наивной девушкой.

– Аня, расскажи мне про свой народ.

Она обернулась, как будто удивлённая моей просьбой.

– Спрашивай, Меркопт. Что тебе интересно?

– Я слышал, солнечные эльфы жестоки, кровожадны и вероломны. Они высокомернее королей и ни во что не ставят человеческую жизнь. Катаронцы сравнивают их с моими соратниками, а лесные эльфы называют их позором эльфийского рода. Но с каждым днём я узнаю тебя всё лучше, и вся твоя сущность противоречит этим слухам. Так где же правда?

Аня недоумённо захлопала ресницами.

– Кому в голову могли прийти подобные глупости! Солнечные эльфы – мирный народ, посвятивший себя служению Свету. Мы всеми силами стремимся сделать Авильстон прекраснее. Наш единственный враг – Тьма. Мне трудно понять, что двигало людьми, развязавшими с нами войну. Ведь враг у нас общий! Как горько слышать, что нас они сравнивают с исчадиями зла! Меркопт, как ты можешь в это верить?

Сколько горечи звучало в её голосе!

– Я вижу живое опровержение этих слухов. Но раз всё, услышанное мной – ложь, я хочу знать правду. Расскажи мне о солнечных эльфах, Анья. К чему вы стремитесь? За что боретесь? Во что верите? Почему вас ненавидят другие эльфы?

Анья качала головой, как мне казалось, глубоко потрясённая моим невежеством.

– Даже не знаю, с чего начать. Расскажу по порядку, а ты уточняй, если что-то покажется тебе неясным. Мы были избранными – лучшими представителями породившего нас мира. Наша суть, цель нашего существования – это стремление к совершенству. Но невозможно достичь совершенства в мире, населённом воинственными народами, не стремящимися к гармонии с природой и друг с другом. Солнечные эльфы не хотели силой наставлять их на путь истинный, так как справедливо считали это неправильным. Разве насилие и ненависть могут породить нечто прекрасное? Мы бы утратили свою сущность, избрав такой путь. Победив в войне, мы бы проиграли. Поэтому солнечные эльфы приняли тяжёлое решение покинуть родной, но слишком жестокий мир, и найти новый, не осквернённый войнами, которые станут нашим домом. Так мой народ попал в Авильстон. Счастливые и окрылённые, мы выращивали онриллы и строили города в гармонии с природой. Онрилл-Этил разрастался, наполняя Авильстон жизнью. Потоки светлой магии были переполнены энергией. Мой народ творил красоту и радовался, и мир радовался вместе с ним.

Но счастливые дни закончились, когда мы встретили титанов. Эти жестокие чудовища убивали нас при первой возможности. С ними невозможно было договориться – они не понимали нас и не пытались услышать. Мы снова оказались втянуты в кровопролитную войну. Хотя, это больше напоминало борьбу за жизнь. Ужас в том, что мы даже не знали, разумен ли наш враг. А за каждого мёртвого титана мы расплачивались десятью эльфами. Это пошатнуло нашу веру в себя. Думаю, потому в Онрилл-Этиле и произошёл раскол. А потом появились люди, которые начали захватывать обжитые нами земли и вырубать онриллы. Меня бросает в дрожь при одной мысли о таком святотатстве. Видел ли ты когда-нибудь онрилл, Меркопт?

– Нет.

– Это прекрасное белоствольное дерево, высокое и могучее. Листья его цветом и блеском подобны золоту, и они так же ослепительно сияют на солнце. Я не понимаю, как можно поднять руку на такую красоту? А люди жгли и разрушали... Мы не могли сражаться их же методами и раз за разом вынуждены были отступать. Такова история моего народа. Все эти события случились ещё до моего рождения. Сейчас мне девяноста восемь лет. Онрилл-Этил, который я знаю с детства – лишь малая доля себя прошлого.

В пересчёте на человеческий возраст Анье было около пятнадцати лет. При всех её знаниях, она всё ещё обладала душой наивной девочки. Теперь её простодушное поведение стало мне более понятным.

Тем временем, Анья продолжала рассказ:

– Жестокие враги, возможно, несколько ожесточили нас самих. Поэтому солнечные эльфы никому не доверяют и рьяно защищают свои границы. У нас и так отняли слишком многое. Но несправедливо называть нас кровожадными и вероломными! Мы защищаем то, что нам дорого, но не начинали войны!

Я внимательно выслушал рассказ Аньи, но сочувствием к солнечным эльфам не проникся. Все эти стремления к миру, нежелание сражаться и вечные отступления вызвали у меня лишь презрение. После того, что я слышал о солнечных эльфах, я ожидал куда более впечатляющих историй.

Анья, неправильно истолковав моё молчание, воскликнула:

– Ты мне не веришь? Меркопт, солнечные эльфы – создания Света! Магия Света – это наша сущность! Мы просто не способны творить зло!

– Я тебе верю. Кому, как не солнечному эльфу, знать правду об Онрилл-Этиле.

– Тогда почему у тебя было такое странное выражение лица?

– Просто такие солнечные эльфы, какими их описала мне ты, выглядят слабаками. Аня захлопала глазами и внезапно рассмеялась.

– Понятно, – отсмеявшись, произнесла она. – Как забавно! Я стараюсь как можно лучше описать все достоинства моего народа, но для тебя их миролюбие и благородство – это слабость. Ты совсем иначе смотришь на мир. Во всём хорошем видишь слабость.

– А разве это не так? Их принципы мешают их выживанию. Рассуждения о морали и благородстве не помогут им защитить дом. Любой здравомыслящий правитель давно бы отказался от этих глупостей ради спасения народа.

– Меркопт, ты не прав! Тогда мы ничем не отличались бы от людей.

– Тогда вы, возможно, действительно бы правили миром.

– Мы бы залили его кровью, превратив в Меканну. Мёртвую пустыню, как ты её называешь. Знаешь, как появилась эта гиблая земля, по которой мы сейчас путешествуем? Она – результат нашего первого сражения с катаронцами, единственного выигранного нами сражения. Вот каким мы бы правили миром, поступай солнечные эльфы так, как считаешь правильным ты.

Ну и что, Фальция выглядит почти так же. Однако, я понял, что этот спор никуда не приведёт, и сменил тему:

– Если вам подвластна такая мощь, как же вас захватили в плен?

Аня поникла.

– Вдали от онриллов мы слабеем.

– Ваша магия зависит от деревьев? Что за боги наделили вас такой странной силой?

– Мы не поклоняемся богам. Наша сила – целиком наша заслуга. И отвечаем за последствия её применения тоже только мы.

Я не мог в это поверить. Просто не мог! Каждому народу помогают высшие силы: боги, полубоги, демоны, духи. Моя способность контролировать тёмные потоки целиком зависит от воли Слепого Жнеца. А тут – такая независимость!

– То есть, ни катаронские Сёстры, ни духи лесных эльфов вам не покровительствуют?

Аня покачала головой.

– А Хранители Светил?

Эльфийка фыркнула:

– Они всего лишь люди, хоть и довольно могущественные.

– Но... кто же вас создал?

– Наши предки сами связали души с онриллами, и это сделало их сильнее. Свои знания и способности они передали потомкам.

Я надолго замолчал. Если солнечным эльфам под силу такое, отчего же они пядь за пядью уступали землю катаронцам? Неужели правда из-за этих странных принципов и боязни сотворить ещё одну Мёртвую Пустыню? Позже я узнал, что онриллы, дающие солнечным эльфам силу, делали их уязвимыми. Если погибал эльф – умирало и связанное с ним дерево, и наоборот. Солдаты Катарона быстро поняли суть этой связи, и белоствольные деревья запылали по всей линии фронта. Катаронцы не думали ни о благородстве, ни о красоте. Не поддавались слабостям. Потому и побеждали.

Были у нас и менее напряжённые разговоры. Однажды мне пришла в голову идея, как удивить и порадовать Аню. Я знал, где хранились отнятые у пленников вещи. Всё ценное, конечно, забрали наши лидеры, но остальное мог взять любой некромант. Эльфийские сумки, расшитые золотой нитью, резко выделялись среди людских котомок. Взяв несколько, я принёс их в свой фургон и вручил Анье.

Она удивилась. Потянула было за тесёмку, но сразу отдернула руку.

– Это вещи моих друзей, – пробормотала она. – Зачем ты их принёс?

– Хотел сделать тебе приятное. Думал, ты найдёшь здесь что-нибудь милое сердцу.

Идея с эльфийскими вещами уже перестала казаться мне замечательной. Я привык думать об остальных солнечных эльфах как о безликих пленниках, но для Аньи-то они были не чужими. И мой подарок, вопреки желанию, вызвал у неё тоску.

Как я понял, лишь из вежливости Аня улыбнулась и взяла сумки. Развязала тесёмки и начала перебирать вещи. Сначала механически, но потом, похоже, увлеклась. Она покрутила в руках белый простенький гребень и с благоговением произнесла:

– Он из онрилла.

Гребень Аня отложила в сторону. Затем туда же положила приглянувшуюся ей книгу, белый шерстяной плащ. С интересом пощупав маленький мешочек и понюхав его содержимое, Аня улыбнулась уже искренне.

– Меркопт, пожалуйста, принеси горячей воды.

Я выполнил её просьбу и уже через десять минут вернулся с чайником кипятка. Аня высыпала полмешочка в воду, и по фургону распространился приятный аромат.

– Что это такое?

– Травяной чай.

Я с волнением вдыхал новый для меня запах. Чай, подаваемый в Фальции, не шёл ни в какое сравнение с этим букетом ароматов. На лице Аньи застыло мечтательное выражение, взгляд её устремился вдаль, сквозь стены мрачного фургона.

– Словно я вернулась домой. Мне кажется, я уже вечность здесь в заключении.

Она вновь посмотрела на эльфийские вещи, и глаза её наполнились печалью.

– Как они там, Меркопт?

Мне следовало предвидеть, по какому руслу пойдёт разговор. Аня смотрела на меня с мольбой, а я молчал, боясь ранить её правдой.

– Пусти меня к ним. Я бы хотела их увидеть, поговорить.

– Не стоит этого делать.

– Но можно?

– Я тебе не позволю.

– Пожалуйста, Меркопт.

– Даже не уговаривай.

Аня поникла. Молча, она разлила по кружкам чай и вручила одну из них мне. Чувствуя необходимость объясниться, я произнёс:

– Это для твоего же блага.

– Скажи мне, что с ними.

Я вздохнул.

– Ты и сама должна догадываться.

– Я хочу услышать от тебя.

– Некоторые умерли. Остальные на грани безумия от отчаяния.

Аня снова обратилась ко мне с мольбой:

– Позволь мне увидеться с ними. Пожалуйста, Меркопт.

– Это принесёт тебе только страдания. Я этого не хочу.

– Меркопт...

– Я и так истязую тебя каждый день! Не заставляй меня причинять тебе ещё больше боли!

Она захлопала глазами и покорно кивнула.

– Хорошо. Больше не буду.

Я пригубил чай, проникшись его необыкновенным, освежающим вкусом. Аня пила, робко поглядывая на меня.

– Я не разговаривала тут ни с кем, кроме тебя и твоего вампира. Боюсь, я скоро забуду, как выглядят солнечные эльфы. Это сводит меня с ума.

Я напрягся.

– Вайрис разговаривал с тобой? О чём?

Аня пожалала плечами:

– Он изо всех сил старался выглядеть дружелюбным. Вёл себя вежливо и ласково, совсем не так, как ты вначале. Поэтому я была рада его видеть. Вампир расспрашивал меня о солнечных эльфах, чем они отличаются от лесных, каковы особенности нашей магии. Онрииллы его очень заинтересовали. Почему, кстати, он больше не приходит?

– Мы поссорились. Он не причинял тебе вреда?

– Нет.

– Хорошо.

Меня беспокоило любопытство Вайриса. Стоило ожидать, что он не удержится порасспрашивать Аню.

– Сюда в фургон он не приходил?

– Нет.

В молчании я допил чай. Аня крутила в руках давно пустую чашку.

– Он опасен? – тихо спросила Аня.

– Очень. Как и любой вампир.

– Разве? Мне он показался хорошим.

Её слова меня удивили.

– Ты никогда не сталкивалась с вампирами?

– Как? – рассмеялась она. – Откуда им взяться в Онрилл-Этиле? В детских сказках вампиры иногда упоминались, но очень редко.

Тьма и Бездна, она совсем не знала зла! И внезапно оказалась вырвана тёмными силами из своего волшебного леса, брошена в пучину ужаса и боли, но не потеряла веру в лучшее и продолжала улыбаться! Мне это казалось невыносимым.

– Вампиры лишены души. Им чужды человеческие чувства. Если Вайрис был с тобой добр, то только потому, что видел в этом какую-то выгоду. Вижу, ты мне не веришь. Но, прошу тебя, Аня, если однажды вампир станет убеждать тебя довериться ему – ни в коем случае не делай этого!

Думаю, она не восприняла мои слова всерьёз. Такова была её натура, слишком наивная для реального мира.

Весь следующий день мы говорили о Фальции. Аня засыпала меня вопросами, а когда я отвечал, ахала, ужасалась и отказывалась верить каждому новому открывшемуся ей факту. Она не понимала, как можно не любить родителей, почему фалийцы добровольно идут на смерть и отдают детей жрецам. Когда я рассказывал про обучение при храме, Аня заплакала.

– Это всё неправильно, это ужасно неправильно! Так всё исказить, так всё вывернуть! Меркопт, как вы можете так жить?

Я растерялся. Таких вопросов у меня просто не возникало.

– Мы всегда так жили. Обычаи передаются из поколения в поколение, законы проверены временем. Будь это неправильно, мы бы вымерли.

Аня только громче разрыдалась. А я сидел в замешательстве и думал. Конечно, я знал, как устроены семьи и общество в Катароне, или Анур-Этиле, или Рунии. Частично от пленников, кое-что от поступивших на службу в Тёмную Цитадель перебежчиков. Но их общественный уклад с любовью во главе угла казался мне таким противоестественным. Мне и в голову не приходило рассматривать его как альтернативный. Ведь любовь, ласка, нежность – это слабости. А сейчас меня впервые кольнуло сомнение, и я позволил себе задуматься: а что, если такой жизненный путь лучше и правильней? Что, если я, все эти годы вытравляя из души сострадание, борясь с мягкостью характера, запрещая себе привязываться к другим, ошибался? Я почувствовал обиду, необъяснимую и горькую. Словно меня в далёком детстве лишили чего-то важного, а я только сейчас это заподозрил.

Мне нужно было отвлечься и разобраться в себе. Я покинул рыдающую Анью и отправился искать Эриса – некроманта, который привёл последнюю партию пленников.

Зачем, спросите вы? Я хотел почувствовать себя прежним, насладиться чужой болью, окунуться в чужие страдания. Мне нужен был подопытный, которого я смогу мучить, испытывая эйфорию от переполняющих его чувств.

Эрис, казалось, удивился моему визиту.

– А что с эльфийкой? – без всякого приветствия выдал он. – Откинулась?

Эрис родился не в Фальции, он пришёл из Катарона. В тот момент я смотрел на него и думал: если у нас всё настолько ужасно и неправильно, почему этот человек так быстро освоился здесь? Эрис отличался чрезмерной жестокостью и не страдал угрызениями совести. В Катароне он был разбойником, а в Фальцию сбежал от правосудия. И стал уважаемым некромантом.

– Ревёт без умолку. Слышать уже не могу её вой. Дай мне кого-нибудь другого, боюсь, эльфийку я почти замучил. А у меня на неё ещё много планов.

– Понятно. Но порадовать мне тебя нечем, моих человечков всех разобрали. Остался старикан один, такой древний, что удивляюсь, как он вообще до лагеря дошёл. Того и гляди, помрёт, но это всё, что есть.

– Сойдёт, – тут я понял, что пытаться старика мне негде – не к Анье же его вести. – Где ты его держишь?

Эрис махнул рукой.

– Вон в той повозке.

– Можно, я воспользуюсь ею? Не хочу тащить его к эльфийке, она тогда и за ночь не заткнётся.

– Так отправил бы её в стадо эльфов, там не все ещё передохли.

– Это тоже не улучшит её самочувствия.

Эрис заржал.

– Ладно, Жнец с тобой. Иди, развлекайся.

Я поклонился, хотя Эрис этого даже не заметил. Мне повезло, что Эрис не столь трепетно относится к своему имуществу, как коренные фалийцы. Совсем непохожий на нас, но так хорошо прижившийся в Фальции. Я чувствовал, что это важно обдумать. Но позже. Сейчас меня ждёт экзекуция.

Старик хмуро глядел на меня из-под кустистых бровей. Он и в самом деле оказался дряхлым. Мне не терпелось приступить к делу, и я без лишних слов связал его заклинанием, заткнул рот и распял над полом. В нём всё ещё жил страх смерти, я видел это в его глазах. Люди редко смиряются со своей судьбой, даже в преклонном возрасте.

Я применял годами отточенные комбинации, перебирал и тянул болевые струны. Человек, выпучив выцветшие глаза, содрогался от моих манипуляций. Потоки магии насыщались энергией, вызванной страданием, отчаянием и ужасом старика. А я не чувствовал ничего, кроме отвращения.

Я настойчиво дёргал за нити, пытаюсь вызвать хоть тень былого наслаждения. Напрасно. Потоки искрились и переливались от наплыва эмоциональной энергии, но это не доставляло мне удовольствия. Я упорствовал, наступая всё яростнее, совершая всё более опасные манипуляции. Потоки пронзил мощный взрывной импульс, и прилив энергии резко прекратился. Человек умер.

Я ещё несколько минут в замешательстве смотрел на бездыханное тело. Что со мной произошло? Это же не Анья, я терзал другого человека! Почему его страдания не принесли мне желанного наслаждения?

Ответов не было. Я вышел наружу и сообщил Эрису о смерти пленника. Тот лишь усмехнулся:

– Давно пора. Скажу оркам, пусть устроят праздничный ужин.

В смятении я бродил по лагерю, пытаюсь унять сумбур в мыслях. Лишь вечером, когда отряд тронулся в путь, я вернулся в свой фургон.

Аня лежала в постели, но, когда я вошёл, открыла глаза. Я сел рядом с ней.

– Ты сам не свой, – промолвила она.

– Я убил человека. Замучил, как мучил тебя.

Аня молчала. Я испугался, казалось, ещё немного, и она снова расплачется.

– Не понимаю, что со мной происходит. Это не принесло мне удовольствия, как обычно. Всё происходило не так, как с тобой, но мне было противно пытаться его. Я совсем запутался.

– Тебе правда нравилось мучить других? – тихо спросила Аня.

– Да. Но теперь я не уверен.

– Это же ужасно, Меркопт. Разве можно наслаждаться чужими страданиями? Это неправильно, это противоестественно!

– Но почему? Мы живём так веками, как же это может быть неправильным? Будь это противоестественным, Фальция бы вымерла. Разве не так?

– Вас с детства превращают в чудовищ. Вы считаете свою жизнь нормальной только потому, что не знаете другой.

– Как это не знаем? Все сведения мы получаем от пленников.

– С детства? Неужели вы и допрос иноземных пленников поручаете детям?

– Нет, но причём тут...

Я замолчал, ошеломлённый внезапной догадкой. Детям и молодым некромантам дают для опытов только фалийцев. И это логично – кто доверит ценных пленников дилетанту? Но верно и другое: мировоззрение формируется именно в детстве, и детей тщательно ограждают от возможных сомнений. Когда в руки некроманта попадает первый иноземный пленник, своими рассуждениями о любви и человеколюбии он вызывает лишь презрение.

Устоявшийся взгляд на жизнь очень трудно поменять.

Я прокручивал перед мысленным взором свою жизнь, но теперь видел её совсем под другим углом. Я правда мог жить иначе? Не скрывать любовь к животным, доверять людям, заводить друзей, любить женщин, может, даже завести семью? Всего лишь нужно было прислушаться к словам первого пытаемого мною катаронца, а не смеяться над его наивностью. И бежать из Фальции, бежать без оглядки, к лучшей жизни, где не нужно убивать и предавать, чтобы выжить.

– Неужели я все эти годы ошибался, – прошептал я.

Аня, не сводившая с меня глаз, вдруг села и крепко обняла меня. Можете себе представить – это был первый раз, когда меня обнимали. И я заплакал. Горько, искренне, поняв, что слёзы – нормальное проявление эмоций, а не слабость.

– Аня, – заговорил я, захлёбываясь рыданиями. – У меня был котёнок. Я никому об этом не рассказывал и запретил себе даже вспоминать о том случае. Мне удалось незаметно унести котёнка с занятия и спрятать у себя в келье. Я таскал ему еду, играл с ним. Он с радостью встречал меня, когда я приходил с занятий, и мурлыкал, лёжа на моих коленях. Я едва сохранял самообладание после кровавых уроков, а котёнок помогал мне успокоиться. Я гладил его, радуясь, что хотя бы его жизнь мне удалось спасти. Это продолжалось неделю. Вернувшись однажды, я застал в своей келье другого ученика. Не знаю, зачем он туда пробрался, да и неважно. Всё, что я увидел – это моего окровавленного маленького друга. Дальше я почти ничего не помню. Очнулся я в слезах, баюкая на руках котёнка среди внутренностей живодёра. До слуха моего донеслось хриплое мурлыканье, и я содрогнулся. Сложно было поверить, но котёнок ещё цеплялся за жизнь. Но радость быстро сменилась отчаянием. Если бы только я мог его спасти! Жизнь бы отдал! Но я не знал, как исцелять, я ведь ещё почти ничего не умел. И я принял страшное, серьёзное решение – прекратить страдания моего единственного друга.

Я перевёл дух и продолжил:

– Больше я не позволял себе ни к кому привязываться, а о том случае старался не вспоминать. Но сейчас я понимаю, что история с котёнком повлияла на всю мою жизнь. Я подавлял чувства, но не мог убить их. Мне нужна была замена, и ею стали страдания жертв. Эйфория от наплыва чужих эмоций позволяла мне чувствовать себя живым.

Аня прижалась ко мне ещё крепче.

– Я верила, – зашептала она. – Я знала, на самом деле, ты хороший. Как я счастлива, что встретила тебя!

Я обдумывал всё случившееся за последний день и вдруг вспомнил про Эриса. Как же он принял жизнь в Фальции, если его воспитывали с иными ценностями?

– А как же другие некроманты? – спросил я. – Особенно иноземные. Они все заблуждаются?

– Конечно! В глубине души все люди добрые. Просто некоторые глубже погрязли во зле. Боюсь, многих уже не направить на истинный путь.

– У нас есть некроманты из Катарона. И они с удовольствием служат в Тёмной Цитадели.

– Быть может, их жизнь сложилась ещё хуже, чем у тебя. Ты ведь не можешь этого знать? Я думаю, катаронцы глубоко несчастные люди. Ведь счастливые люди не начинают войн. Если они жестоки, то только потому, что жестоко обходились с ними.

Тогда я удовлетворился таким объяснением. Однако позже я многое переосмыслил и пришёл к выводу, что склонность ко злу закладывается в человека при рождении. Не зависимо от воспитания, для кого-то жизнь в Фальции идеально подходит, для кого-то – нет. Кто-то из таких не склонных ко злу, попав в Тёмную Цитадель, ломается, кто-то, как я, приспособливается, извращая душу. Но изменить свою сущность человек не может.

От разрушительных мыслей меня спасала Аня. В ту ночь она задремала, прикинув к моему плечу. Я засыпал с лёгким сердцем, слушая её ровное дыхание и согретый её доверием. Её невинные объятия отгоняли мою тьму. А утром, когда пришло время «нашего испытания», я понял, что больше не в силах причинять боль Анье.

Я ожидал, что Аня, как обычно, начнёт спорить, и уже приготовился отбиваться от её доводов. Но она долго и внимательно смотрела мне в глаза, а потом подошла и крепко обняла.

– Меркопт, я люблю тебя.

А я стоял ошеломлённый, вдыхая запах её волос, и размышлял: разве я достоин любви самого доброго и прекрасного создания Авильстона? Я, жестокое, извращённое чудовище?

– А ты, Меркопт? Ты любишь меня?

Я ответил, не задумываясь:

– Больше жизни.

Аня улыбнулась.

– Значит, мы вместе преодолеем любые трудности.

Меня воодушевляла её уверенность, но только сейчас я позволил себе задуматься: а что же ждёт нас дальше? Раньше я просто плыл по течению, поступал, как приказывали, и не думал о будущем – ведь оно было предопределено. Теперь всё изменилось. Я не позволю отвезти Аню в Тёмную Цитадель.

– Я спасу тебя. Жизнь отдам, но спасу.

– Нет. Мы вместе спасёмся. Я не хочу жить без тебя.

Это было бы прекрасно. Слишком прекрасно, чтобы в это верить.

– Аня, я устрою тебе побег. Ты вернёшься в Онрилл-Этил и заживёшь, как раньше.

– Так спасайся вместе со мной!

– Некроманта не примут ни в одном государстве. А Фальция... Даже, если мою вину не докажут, жить как раньше я уже не смогу.

– Не надо жертвовать собой! Солнечные эльфы тебя примут, как только узнают получше. Мы сбежим вместе, Меркопт!

– Солнечные эльфы ненавидят людей.

– Это не так! Они ненавидят зло. А в тебе зла больше не осталось. Меркопт, пойми! Солнечные эльфы не такие, как фалийцы, они следуют путём Света! А Свет с радостью принимает всех, кто раскаивается в своих злодеяниях. В Онрилл-Этиле мы будем счастливы. Вместе.

Итак, мы задумали побег. Аня не сомневалась, что благородные солнечные эльфы милостиво примут нас обоих, и я посмел поверить, будто достоин прощения. Времени оставалось мало: на горизонте я уже видел Драконьи клыки – горы на границе Фальции. Если мы не осуществим задуманное до того, как пересечём их, не спасёмся уже никогда. Без посторонней помощи выбраться из Фальции почти не возможно, а на поиск союзников нужно время, которого преследователи нам не дадут.

Единственный шанс выжить был добраться до Алмазной горы, и то я не знал, примут ли нас гномы. Алмазная гора возвышалась справа от нашего маршрута, разделяя горный хребет на Драконьи клыки и Грифоновы скалы. Её невозможно спутать ни с какой другой горой – настолько она возвышается над остальными.

Туда я и отправил Аню. Ночью, когда лагерь был поглощён суматохой сборов, я отвёз её подальше от отряда. Закутанная в невзрачный плащ с капюшоном, Аня не привлекала внимания. Когда я спустил её с коня, она вцепилась в поводья.

– Пойдём со мной, Меркопт! Никто не заметил нашего побега. Мы успеем добраться до Алмазной горы до того, как фалийцы обнаружат наше отсутствие. Тем более, верхом.

– Ошибаешься. Пропажу некроманта и коня обнаружат быстро. А вот тебя я всю дорогу держал в фургоне – никто не усомнится, что ты там, если я вернусь и, как ни в чём не бывало, продолжу путь с отрядом. Держи, – я протянул ей котомку. – Здесь фляга с водой, немного провизии и необходимые вещи. Торопись, Аня. Я верю, ты доберёшься до Онрилл-Этила.

Аня смахнула слёзы.

– Обещай мне, Меркопт, что не вернёшься в Фальцию. Обещай, что сбежишь следом за мной.

– Обещаю, любовь моя.

Я развернул коня и поскакал прочь, боясь, что ещё немного, и мне не хватит решимости оставить Аню. Я обрёл её на полный опасностей путь. Даже, если она сумеет добраться до Алмазной горы, попасть внутрь и договориться с гномами, ей предстоит пересечь весь Катарон. Я гнал от себя мысль, что больше могу не увидеть Аню.

Я вернулся в лагерь быстро – меня никто не успел хватиться. Как я и предполагал, отсутствия Ани не заметили. Отряд продолжил путь.

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз. Без Ани фургон опустел. Странно было не слышать её дыхания, не чувствовать её присутствия. Только слабый травяной запах напоминал о ней, но и он становился всё слабее.

Меня не покидала тревога. Я так хотел отправиться с ней – будь Аня рядом, под моей защитой, мне было бы спокойнее. Но, обнаружив моё отсутствие и взяв след, вампиры бы нагнали нас быстрее всадников. В одиночку шансов выжить у Ани больше, хоть и до ужаса мало. Вдруг она столкнётся с гарпиями? Или с ранфами? Хватит ли ей сил отбиться от чудовищ Мёртвой пустыни?

На протяжении ещё трёх дней я продолжал брать в фургон двойные порции еды. Так что я, не вызывая подозрений, сумел накопить немного провианта. На третий день я зашёл в фургон только утром – занёс обед «покормить пленницу», потом до вечера занимал себя делами в лагере. А вечером, вернувшись в фургон, «обнаружил пропажу» и забил тревогу.

– Эльфийка сбежала! – орал я. – Обыщите лагерь!

Метались слуги, рыскали орки, суетились некроманты – а я неистовствовал. Все обыскивали лагерь – конечно, безуспешно. Некоторые пытались пересчитать лошадей, но из-за творящегося вокруг хаоса постоянно сбивались.

Минут через тридцать порядок восстановили. Помимо Аньи недосчитались ещё шести пленников и нескольких лошадей. Похоже, пленники воспользовались суматохой и сбежали. Сумерки, шум и паника этому прекрасно способствовали, лучшего случая, чтобы спастись, им вряд ли посчастливилось бы дожидаться.

– Надо организовать поиски, – распорядился Сольвер. – Вайрис, Эфия, Ион, Ясти, Дьямон, Люцита, Ринон – возьмите с собой людей с лошадьми и прочешите окрестности в радиусе десяти миль. Беглецов доставьте живыми.

Сольвер назвал всех четырёх наших вампиров и нескольких некромантов. Но не меня.

– Я тоже пойду! – вызвался я.

– Достаточно, – возразил Сольвер. – Они прекрасно справятся без тебя.

– Ты отправляешь на поиски моей эльфийки Вайриса. Да он только и мечтал о том, как добраться до неё! Может, это он устроил ей побег? Чтобы теперь так удачно отправиться её искать?

Как я и рассчитывал, Вайрис не сдержался:

– Не смей обвинять меня! На что мне нужна твоя девка? Я вдоволь насмотрелся на неё, пока служил у тебя, так насмотрелся, что видеть уже больше не могу!

– Меркопт, не преувеличивай, – произнёс Сольвер уже не столь уверенно.

– Я ему не доверяю. И тебе не советую.

– Хорошо. Вайрис, остаёшься в лагере. Меркопт, собирай отряд.

Вайрис кричал и ругался, но я его уже не слушал. Жаль, что Сольвер запретил ему ехать – у меня бы появилась возможность расправиться с Вайрисом без свидетелей. Но всё и так сложилось отлично.

– Койн! – заметил я своего трясущегося слугу. – Поедешь со мной!

Он задрожал ещё сильнее и едва не упал. Я ожидал вопросов, но слуга был слишком перепуган, чтобы облечь мысли в слова.

– Ты её упустил, так что поедешь со мной. Молись Слепому Жнецу, чтобы мы нашли её.

Помимо Койна я взял с собой ещё четырёх слуг. Затем, после недолгих пререканий с лидерами других групп, я со своими людьми поехал в сторону Алмазной горы. Некроманты были уверены, что беглецы направятся туда, вампиры чуяли, что они разделились. В итоге, я отстоял нужное мне направление.

Ехать быстро мы не могли – уже стемнело, и лошади могли переломать ноги. Я держал курс прямо на Алмазную гору, не отклоняясь в стороны и не пытаюсь искать беглецов. Анья, если она жива, уже давно добралась до неё. Спустя два часа, когда мы отделились от лагеря значительно дальше, чем на десять миль, фалийцы начали беспокоиться. Один из них долго озирался и, в конце концов, рванул прочь.

– Назад! – крикнул я, но почти сразу другой мой спутник последовал его примеру и погнал коня в противоположную сторону.

Ещё один фалиец, помешкавшись, тоже поскакал прочь. Я остановился.

Мне не было нужды гнаться за фалийцами, чтобы остановить их. Перед выездом из лагеря я по привычке связал их смертельной сетью. Теперь же я просто привёл заклинание в действие, и беглецы один за другим мгновенно умерли. Со стороны казалось, что ничего не произошло. Топот копыт продолжал удаляться, но везли лошади уже мертвецов.

Я повернулся к оставшимся спутникам. Один из них упал замертво, другой, оказавшийся Койном, бросился на колени.

– Попадите, мой господин! Я ничего никому не говорил!

– А ты что-то видел? – удивился я.

– Вы были добры с эльфийкой. Но я никому...

Койн резко дёрнулся и упал. Аня бы этого не одобрила. Я с самого начала планировал их убить. Потому и воспользовался смертельной сетью – активированная, она отнимает каждую вплетённую в неё жизнь. Даже, возникни у меня такое желание, я не смог бы остановить заклинание.

У меня было несколько часов, чтобы добраться до Алмазной горы, пока меня не хватились. Двух лошадей погибших спутников я взял с собой на всякий случай. И не зря – не прошло и часа, как мой усталый конь оступись и сломал ногу. Я вздрогнул от мысли, что мне придётся лишиться его жизни. Конь кричал от боли, другие лошади нервничали, и я вдруг понял, как поступлю. Я теперь свободный человек и не обязан никого убивать! Наполнив себя магической энергией, я прикоснулся к животному. Конь затих, погружённый в сон, а я осторожно сращивал сломанные кости и разорванные ткани. Я делал такое уже не раз, но впервые с целью спасти жизнь, а не продлить мучения. Не передать словами, какой восторг я испытал, закончив исцеление!

Ослабленный исцелением конь крепко спал. Я поехал дальше, лелея надежду, что фалийцы найдут его раньше чудовищ Мёртвой пустыни, и спасённое животное продолжит нести свою нехитрую службу.

На рассвете я достиг Алмазной горы. Я слышал, что попасть внутрь непросто, вход с секретом. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил врата, представлявшие собой просто арку, без створок. Никакой стражи я не видел, вымощенный обсидианом коридор уходил вглубь горы. Ловушка – было первой моей мыслью. Вот только как она действует?

Тел внутри я не видел – полированный пол просто сверкал чистотой. И это в месте, кишачем вечно голодными чудовищами. Как такое может быть? Дыхание жизни непременно приносило бы сюда кровожадных обитателей Мёртвой пустыни.

А может, врата открыли специально для меня? Аня добралась до Рунии, и теперь ждёт меня внутри. Это куда более разумно, чем держать вход в королевство гномов всегда открытым. Хоть я и не мог понять, как врата без створок вообще закрывают.

Лошадей я оставил у входа, а сам пошёл внутрь. Шаги гулко отдавались в тишине. Пол, стены, полукруглый потолок – всё было сделано из полированного обсидиана. Куда бы я ни повернулся – всюду видел свои отражения. От этого кружилась голова – я словно шёл по цельно-зеркальному коридору. Умом я понимал, что цельным такой коридор быть никак не мог, но никаких стыков между плитами я не видел.

Меня начинало тошнить, но я продолжал идти, стараясь не смотреть по сторонам. Возможно, вечно открытый проход не такая плохая идея. Этот коридор способен свести с ума.

Тревожное ржание лошади прозвучало, казалось, совсем рядом. Я невольно обернулся. Арка оказалась намного дальше, чем мне представлялось, а в пятачке света я различил переминающиеся лошадиные фигурки. Просто акустический эффект. Что же тревожит лошадей? Обычный животный страх узких коридоров? Или невидимая мне опасность, скрывающаяся здесь?

Я вдруг понял, что в коридоре довольно светло, хотя здесь не было ни одного источника света, кроме далёкого входа. Я заозирался, но видел вокруг лишь бесчисленные отражения перепуганного себя. Разум мой охватывала паника. Я ринулся к пятну света – единственному выходу из зеркального безумия, но поскользнулся и упал. Меня вырвало.

Лёжа на полу с закрытыми глазами, я почувствовал себя лучше. Ржание лошадей меня больше не пугало, напротив, столь привычный уху звук успокаивал. Я встал и, не глядя по сторонам, продолжил путь вглубь горы.

Вскоре я заметил впереди какое-то движение. Потом различил идущую на меня странную фигуру, лишь отдалённо напоминающую человеческую. Чувствуя, как душу снова наполняет страх, я остановился. Фигура тоже. Я двинулся вперёд, и существо тоже возобновило движе-

ние. Догадка вызвала у меня облегчённый вздох. Жуткое существо оказалось моим искажённым отражением. Коридор сворачивал.

Я не прошёл и десяти шагов после поворота, как услышал приближающийся ко мне топот многочисленных ног. Не меньше двадцати вооружённых гномов предстало моим глазам.

– Взять его! – скомандовал чернобородый командир с пронзительными стальными глазами.

– Пойдите! – воскликнул я. – Я пришёл с миром. Клянусь, я не замышляю никакого зла!

– Тогда не сопротивляйся, – прорычал гном и гаркнул собратьям. – Если будет рыпаться – стреляйте не раздумывая!

Под прицелом арбалетов мне связали руки, а на голову надели мешок. Я молча подчинялся их приказам. Связав, гномы повели меня, негромко переговариваясь на рунийском. Ко мне они обращались на катаронском, почему-то решив, что их родного рунийского языка я не понимаю. Я не решился разуверить их в этом: испугавшись, гномы могли сначала пристрелить меня, а уж потом подумать, не выдали ли они чего-то важного. Они боялись меня, даже связанного.

Из их разговоров я узнал не слишком много полезного. Больше всего гномы удивлялись тому, что я сумел войти в Алмазную гору. Я так и не понял, почему это их удивляет. Некоторые ворчали, мол, не стоит со мной возиться, каждый некромант заслуживает смерти. Но им возражали, довольно странно аргументируя: «гора его пропустила». И возражающих было большинство.

Поначалу я считал шаги, надеясь запомнить дорогу, но сбился из-за многочисленных поворотов, спусков и подъёмов. Из разговоров гномов я понял, что меня ведут в тюрьму. Про Анью никто и словом не обмолвился. Это меня встревожило, но я решил до поры до времени помалкивать. Мёртвый я Анье ничем не помогу.

Наконец, мы остановились. Заскрежетали засовы, закричали гномы, и меня втолкнули, как я понял, в открытую камеру. Кто-то развязал мне руки.

– Посиди тут, – сказал командир. – Не дури, и всё будет хорошо.

Я снял с головы мешок и успел заметить раскрасневшихся от натуги гномов, закрывающих за мной невероятно толстую каменную дверь. Вновь послышался скрежет задвигаемых засовов, и наступила тишина.

Камера представляла собой вырубленное в граните помещение. А может, просто сложенное из гранитных плит с гранитной же дверью, я так и не понял. Для подземной каменной тюрьмы в ней было очень тепло. И снова этот парадокс: никаких окон, но свет лился словно отовсюду. Обстановка камеры включала койку, стол, два стула и полку. Постель далеко не новая, но чистая. Отхожее место я обнаружил не сразу – аккуратно просверленная дыра в углу камеры задвигалась гранитной крышкой.

В целом, тюрьма меня приятно удивила. Никакой грязи, гнили и блох. Ко мне отнеслись, как к почётному пленнику, даже вещи мои оставили при мне. Осмотрев камеру, я сел на койку, и только теперь осознал, насколько устал. Сбросив сапоги, я провалился в сон.

Пробудившись, я понял, что у меня побывали. В комнате появился таз с чистой водой, полотенце и обед. Не заплесневевшие корки, а горячая каша с тушёным мясом, свежий, ароматный хлеб и необычный душистый отвар с приятным терпким вкусом. Умывшись и пообедав, я стал ждать посетителей, рассудив по хорошему приёму, что долго держать тут меня не будут. Однако, шли часы, а никто не приходил. Я кричал, спрашивал об Анье, но ответом мне была оглушающая тишина. Я промаялся весь день и, ничего не добившись, лёг спать. А проснувшись, вновь обнаружил горячую еду.

Не было сомнений – за мной наблюдают. Гномы заходят в камеру только во время моего сна. Опасаются? Тогда почему со мной хорошо обращаются, если считают врагом?

Я осмотрел каждый дюйм камеры, простучал стены, но так и не понял, откуда за мной наблюдают. Зато разобрался в природе света: камни покрывали крошечные светящиеся точки, и их можно было счистить ногтем. Я решил, что это какие-то грибы или плесень.

Занять себя было нечем, и я развлекался, перебирая свои вещи. Полистал журнал с исследовательскими записями и решил порисовать на чистых страницах. В общем, убивал время, как мог. Несложно догадаться, что при следующем пробуждении меня снова ждал обед.

Не знаю, сколько я просидел в заключении. Может, неделю, может, две. Трудно сказать, когда вокруг совершенно ничего не происходит, и день не отличается от ночи. Я пытался бодрствовать, чтобы всё-таки застать тюремщиков, или притворяться спящим, но бесполезно. Пока я бодрствовал, гномы не приходили.

Поэтому приход четырёх вооружённых стражников стал для меня неожиданностью. В камере, не рассчитанной на такое скопление посетителей, резко стало тесно.

– Собирай вещи, некромант, и следуй за нами, – распорядился рыжебородый гном.

Мне бросились в глаза его поджатые губы и морщинистый лоб. Я подчинился, радуясь, что в этот раз мне не стали надевать мешок на голову.

Коридор встретил меня рядом одинаковых гранитных дверей. Понять, есть ли за ними пленники, было невозможно. Может, в одной из камер держат Анью? У меня сердце защемило. Для эльфийки, привыкшей к солнцу и простору, каменная подземная тюрьма – настоящая могила.

– Где эльфийка? Она добралась до вас?

– Все вопросы потом, – буркнул гном.

– Скажите хотя бы, она жива?

– Тебе скажут всё, что посчитают нужным. Только не мы.

Испытывать терпение конвоиров дальше я не решился. Все четверо бросали на меня настороженные взгляды. Спасибо, что хоть не связали.

Аскетичный тюремный коридор вывел нас к широкой лестнице из красного мрамора. Лестница ввинчивалась вглубь земли плавной спиралью. На каждом этаже находилась арка, за которой тянулся коридор, отделанный мрамором, гранитом или незнакомыми мне камнями. В коридорах я видел занятых своими делами гномов. Заметив меня, они отрывались от работы и с любопытством провожали взглядами.

Оказалось, не все стены гномов светились. В нишах на лестнице стояли сосуды, наполненные порхающими светящимися бабочками. Впервые увидев такое чудо, я замер, потрясённый, и стоял так, пока гномы настойчиво не напомнили о необходимости продолжать путь. Привычных факелов там не было вовсе, их заменяли сосуды с каким-то горючим резко пахнущим веществом. Такие светильники носили многие жители Рунии.

Наконец, мы свернули с лестницы в один из коридоров. И я понял, что все виденные мной ранее творения зодчих, резчиков и скульпторов лишь подражание открывшимся мне шедеврам. Яшма, малахит, лазурит и десятки неведомых мне камней облицовывали стены, арки и колонны. Один пёстрый коридор сменялся другим, ещё более поражающим воображение. И всё это великолепие не выглядело вычурным, оно было величественным, торжественным. Может, для гномов такое убранство в порядке вещей, и стены служебных коридоров всегда инкрустируют бирюзой, а жилые помещения украшают мозаикой из природных камней. Но я был поражён до глубины души, рассматривая сложнейшие барельефы из чёрного агата, и счастлив возможностью лицезреть такую красоту.

Я совершенно позабыл, что я пленник, и меня сопровождает конвой. Очнулся, лишь когда сердитый гном встряхнул меня за плечо.

– Перед тобой Орсон Пламя Горы, третий принц Рунии, Сокрушитель Огров и Гроза Грифонов!

Я поспешно опустился на колени.

– Встань, некромант, – произнёс глубокий, сдержанный голос.

Я повиновался и взглянул на говорившего. Передо мной на троне чёрного дерева сидел тёмнобородый крепкий гном. Молодой, с цепким взглядом и умными глазами. Рядом с принцем стоял другой гном – то самый, что командовал отрядом, захватившим меня в обсидиановом туннеле.

– Хорошо, – Орсон обратился к моим конвоирам. – Вы можете идти.

– Но, ваше высочество... – зароптал рыжебородый гном.

– Вы сами сказали, что гора его пропустила, – отрезал принц. – А значит, я в безопасности.

Лицо охранника с, похоже, вечно поджатыми губами, стало ещё более хмурым. Тем не менее, гномы, кланяясь, один за другим покидали зал.

– Как твоё имя, некромант? – спросил принц.

– Меркопт, ваше высочество.

– Меркопт, – Орсон улыбнулся. – Ну и переполох ты тут устроил.

На лице принца не было и следа беспокойства. После настороженных и даже враждебных взглядов гномов его улыбка вызвала смешанные чувства. Орсон кивком указал на стоящего рядом с ним гнома.

– Ты уже встречался с Рионом, но, боюсь, вы не были представлены друг другу. Рион исполняет обязанности Привратника Тени уже девяносто шесть лет, и впервые в его жизни границу Рунии пересёк некромант. Прошу прощенья за недостойный приём, оказанный моим народом.

Упомянутый Рион, слушая принца, хмурился всё больше, а после принесённых им извинений возмущённо заявил:

– Простите меня, ваше высочество, но зачем вы всё это ему рассказываете?

Орсон обратил взгляд на Риона, и в его голосе проскользнули ледяные нотки:

– Духи гор сочли его достойным, и ты сам был тому свидетелем. Да, впервые проведённую ими границу пересёк некромант, и вы проявили справедливую осторожность, заключив его в надёжную камеру и вызвав для разбирательств меня. Я прибыл, как вы того желали, и говорю от имени короля: некромант Меркопт не пленник, а гость, со всеми вытекающими привилегиями.

Рион насупился и пробубнел что-то неразборчивое. Я же, в который раз слушая о своём чудесном проникновении в гору, не выдержал:

– Ваше высочество, не хочу показаться невежливым, но со стороны Мёртвой пустыни любой может проникнуть в Рунию. Там просто нет дверей. Открытый и не замаскированный проход. И непохоже, что его вообще можно запереть.

Орсон от души расхохотался, а лицо Риона стало пунцовым.

– Ох, Меркопт, – задыхающийся от смеха принц утёр слёзы. – Ох, то есть, ты даже не понял, что совершил! Поразительно! – наконец, успокоившись, он продолжил. – Врата Тени, через которые ты прошёл, заговорены. Если их пересечёт существо со злыми намерениями, то моментально погибнет. Поэтому все так удивлены, что через них прошёл некромант. А меня это радует. Значит, фалийцы не безнадежно погрязли во зле, и среди них есть и достойные люди, с коим я имел удовольствие познакомиться.

– Заговорены, ваше высочество? То есть, это какая-то магия?

– Нет. Это помощь духов гор в ответ на нашу просьбу.

Гномья магия, как её ни назови. Странно, я прощупывал тот обсидиановый коридор магией, но ничего не почувствовал.

Словно предвидев ход моих мыслей, Орсон продолжил:

– Гномы не видят ваших волшебных потоков и не умеют брать из них силу. Гномы не повелевают стихиями, Светом и Тьмой. Заговоры наших шаманов – совсем не магия в привычном вам смысле.

Меня прошиб холодный пот. Аня шла этим коридором. Она могла погибнуть от одной неосторожной мысли! У меня ноги подкосились, и я едва выдавил:

– Эльфийка... что с ней? Почему мне никто о ней не говорит?

– Обращайся к принцу, как полагается! – рявкнул Рион.

Но Орсон вскинул руку и холодным голосом произнёс:

– Ответь ему, Рион.

Привратник Тени опустил глаза.

– Слушаюсь. Солнечная эльфийка Аня пришла на два дня раньше тебя и стала нашей гостьей. Она уверяла, что ты придёшь следом за ней, но мы, понятное дело, не верили. Мы не хотели её расстраивать и не говорили, как действуют Врата Тени. Она так воодушевлённо рассказывала о тебе, с такой нежностью, с такой любовью. Никто не мог решиться ранить её жестокими словами, и мы условились, если ты придёшь и, естественно, погибнешь, мы ничего ей не скажем. Словно ты не приходил, решил остаться в Фальции. Но ты пришёл. И, более того, выжил. Мы на такое не рассчитывали и просто не знали, как с тобой поступить. Поэтому заперли тебя в тюрьме и вызвали ближайшего к нам принца решить твою судьбу. А Аня упорно верила, что ты придёшь. Она нас всех очаровала своей чистотой и искренностью. Мы пообещали провести её под землёй почти до Золотого леса, но она не хотела уходить без тебя. А мы видели, что она начала чахнуть: бледнела, худела, хотя её прекрасно кормили. Она же эльф, ей нужны простор и солнце. И мы... решили ей солгать. Сказали, что ты погиб. Конечно, она не поверила, когда мы рассказали, что Врата Тени не пропускают служителей Тьмы. Она потребовала привести её к Вратам. И так совпало, что погоня, видимо, отправленная за вами, как раз пересекала Врата. Аня видела, как все они рассыпались в пыль. Молча, она повернула назад и больше не спорила. Сейчас она на пути к Золотому лесу.

Радость, что Аня жива и возвращается домой, омрачал жестокий поступок гномов. Они ранили её в самое сердце, убедив, что я погиб. Уверен, она страдала так же, как страдал бы на её месте я.

– Зачем вы так поступили? Почему не дали нам увидеться?

Рион взглянул мне в глаза с нескрываемой ненавистью.

– Потому, что ты – некромант, околдовавший невинного ребёнка, опасный, как бы там ни решили духи.

– Аня думает, я мёртв.

– Но ты жив, – произнёс принц. – А, значит, всё ещё можно исправить. Аня получит весть об этой ошибке. Я не одобряю поступка моих подданных, но, поверь, они хотели как лучше. Рион, распорядись об обеде.

Она была здесь. Была так близко! Она говорила, что я изменился, стал лучше, и мы сможем зажить нормальной жизнью. Но все по-прежнему видели во мне отродье Тьмы. Несмотря на мои поступки, слова Ани и этих Бездной проклятых духов.

– Меркопт, – услышал я голос Орсона. – Присядь за мой стол, отведай моё угощение.

Погружённый в себя я и не заметил, как гномы перед троном накрыли стол. В зале кроме меня и Орсона уже никого не было, и я занял предназначенный мне стул напротив принца.

– Я сожалею о случившемся, – произнёс Орсон, наполняя наши тарелки густым, ароматным супом. – Тебя выведут через Торговые Врата Алмазной горы. Ты окажешься в Катароне и оттуда сможешь добраться до Золотого леса. Не без труда, конечно, но всё же. Или, если пожелаешь, можешь вернуться назад в Мёртвую пустыню. Провести тебя тем же путём, что и Аню, я, боюсь, не смогу. Мои собратья суеверны и предвзяты, а тебе предстоит пересечь пол-Рунии. Кто-нибудь убьёт тебя даже вопреки моему приказу, веря, что совершает благое дело.

– А почему ты с ними не согласен? – меня разбирала злость. – Вдруг моя душа и правда черна, как Бездна, а ваш проклятый зеркальный коридор я прошёл с помощью какой-то некро-

мантской хитрости? Почему ты считаешь иначе? Другие-то гномы свято верят, что спасли несчастную Анью от поработившего её монстра!

Орсон отхлебнул пива.

– Я уверен. Будь иначе, духи гор тебя бы не пропустили. Другие гномы это тоже понимают, но их страх перед Тёмной Цитаделью слишком силён. Они в ужасе просто от того, что в Алмазную гору смог войти некромант. Они не могут поверить в чистоту твоих помыслов. Знают, что это так, но поверить не могут. Пей пиво, Меркопт, это лучшее атиронское пиво.

Я едва пригубил хмельной напиток, не желая затуманивать разум. С супом мы покончили быстро, и пришёл черёд ароматного, дымящегося окорока. Орсон клал мне то же, что и себе, и всегда пробовал блюдо первым. Похоже, он действительно искренне мне верил и старался продемонстрировать свои добрые намерения. Моя ярость утихла. Глупо злиться на единственного в Рунии сочувствующего мне гнома.

– Ваше высочество, для чего вы поставили на Врата Тени такой странный заговор? – спросил я, уже зная, каким будет ответ.

Принц отложил печёную картофелину.

– Чтобы пленники фалийцев, которым посчастливилось сбежать, могли спастись. Им достаточно войти в Алмазную гору. Стоит им пересечь нашу границу – и преследователям до них не добраться. Мы гостеприимны ко всем, даже к эльфам, которых не слишком-то жалуем. Ведь Фальция, не в обиду тебе, – наш общий враг.

– Понимаю, – я взял сочную печёную луковичу. – А что за заклятье на самом коридоре? Или заговор?

Орсон подавился картофелиной. Откашлявшись, он в глубочайшем изумлении взглянул на меня.

– Заклятье? Помилуй, Меркопт! Обсидиан – отражающий магию камень, какое там может быть заклятье?

– Но... мне было не по себе и даже дурно в том коридоре.

– Там нет никакой магии. Ты просто устал или перенервничал. А может, и то, и другое.

Верилось в это с трудом. До сих пор меня бросало в дрожь при воспоминании об окружающих меня многочисленных отражениях. Хотя, возможно, меня действительно слишком впечатлил сей оптический эффект.

Мы продолжали трапезу. По знаку Орсона гномы внесли новые блюда: утку, начинённую клюквой, пирог со свиными потрохами, фаршированную рыбу.

– Отведай пирога, Меркопт, это моё любимое лакомство!

Я принял протянутый принцем кусок.

– Скажите, ваше высочество, почему вы так щедро потчуете меня? Да ещё и за одним с вами столом.

Орсон взглянул на меня с любопытством.

– Это тебя удивляет?

– Час назад я был пленником. А сейчас обедаю вместе с принцем. И вы спрашиваете, удивляет ли это меня, ваше высочество?

Орсон рассмеялся.

– А я-то думаю, почему ты так насторожен! Конечно, в Фальции этот обычай неведом. Знай же, Меркопт, что, вкусив со мной еду под моим кровом, ты обретаешь защиту. С этого момента всякий, кто тронет тебя, навлечёт на себя мой гнев.

Ответ принца меня смутил. Я недоумевал, зачем в зал, явно предназначенный для аудиенций, вообще внесли обеденный стол. Ведь если бы меня просто хотели накормить, могли бы отвести в отведённое для этого место, а не усаживать тут же вместе с принцем. Картинка не складывалась. Лишь после объяснений Орсона я понял, какую честь он оказал мне.

– Ваше высочество, не навлечёте ли вы на себя беду? Вы даровали свою защиту некроманту. Я видел, как относятся ко мне гномы. Не опасно ли так испытывать верность ваших подданных?

– Не беспокойся, Меркопт, – усмехнулся Орсон, жуя очередной кусок пирога. – Им нужно было мудрое решение уполномоченного члена королевской семьи – они его получили. Мой поступок научит их верить своим глазам, а не глупым суевериям.

Искренне надеюсь, что Орсон не ошибся в своём народе и по-прежнему живёт, здоровствует и пользуется уважением. Он спас меня, он относился ко мне, как к человеку, и я всей душой ему благодарен. И тревожусь за него. Орсон – идеалист, слишком добрый и доверчивый для правителя. Истории известно много случаев, когда самые замечательные правители, поступающие вопреки воле народа, лишались и власти, и жизни, и доброй памяти.

Орсон, заметив мою тревогу, решил сменить тему:

– Тюремщик говорил, ты хорошо рисуешь. Покажешь?

Я поперхнулся.

– Так за мной всё-таки наблюдали? Откуда?

– С устройством тюрьмы я не знаком, но, думаю, там совсем несложный механизм. Ну, так что?

Для гнома, может, и несложный. Я же, рассматривая стены, пол и потолок камеры дни напролёт, ничего подозрительного не обнаружил. Порывшись в сумке, я нашёл старый журнал и протянул его принцу.

– В начале записи моих исследований. Рисунки начинаются с середины журнала, ваше высочество.

Орсон перелистывал страницу за страницей. Аня улыбается. Аня загадочно смотрит вдаль. Аня испепеляет меня взглядом. Всё, что я потерял, и так отчаянно хотел вернуть.

– Я не разбираюсь в живописи, – тихо произнёс Орсон. – Но каждый из твоих рисунков пронизан любовью. Это в очередной раз доказывает, что ты – хороший человек, Меркопт.

– Благодарю, ваше высочество.

– Не стоит, – отмахнулся принц, возвращая мне журнал. – Я понял, каков ты, едва тебя увидел. Знаешь, как? Ты любовался залом. Даже меня не замечал, пока тебя не одёрнула охрана. Человека, закостенелого во зле, не трогает красота.

– Я счастлив, что мне довелось узреть творения подгорных мастеров. Они останутся в моей памяти среди самых прекрасных воспоминаний.

Орсон с улыбкой покачал головой.

– Ты льстишь нам. Творит эту красоту сама Природа руками духов гор. Мы же лишь очищаем и обрамляем её творения, открывая взорам смертных её шедевры, чтобы каждый мог восхититься её фантазией и мастерством. Взгляни на этот зал, Меркопт, а особенно на стену позади меня. Что ты видишь?

Стены и пол этого зала были выложены чёрным мрамором с золотистыми прожилками. Но их строгость и гладкость лишь служили обрамлением стене, на которую указал принц. Её сплошь покрывали скопления фиолетовых кристаллов, завораживающие природной, хаотичной красотой.

– Самую необычную облицовку из всех, увиденных мною в Рунии, – ответил я. – Работу мастера.

– Это не облицовка, Меркопт. Кристаллы не покрывают стену, стена – единая друза аметиста. Всё, что сделали гномы – очистили её от пустых пород, явив миру величие гения Природы. Она – истинный творец, художник и скульптор, она создаёт завораживающие камни и минералы, и каждый из них неповторим. Этот зал – монумент её величию, рама для написанной ею картины. Принцы и короли, принимая здесь посетителей, судят мудро и справедливо, памятуя, что находятся перед её взором. Таково истинное положение вещей, Меркопт.

Создаёт Природа, гномы лишь обрабатывают и придают форму, которая наиболее выгодно отразит совершенство её творения. Что мы можем сотворить без даров Природы? Ничего. И каждый гном это понимает.

Орсон исполнил обещание. После обеда его стража вывела меня к Торговым Вратам. Мне повезло, что среди моих вещей оказался ритуальный кристалл – принц распознал в нём аметист, не встречающегося в Рунии сорта. Я выменял его на припасы, одежду, серебряные монеты и карту Катарона. Подумав и обсудив с Орсоном, я пришёл к выводу, что безопаснее всего будет вырядиться нищим. Оборванцев никто не замечает, а если кто-то и обратит на меня внимание, не заметит некромантских татуировок под слоем грязи.

Таким я и ступил на землю Катарона: в лохмотьях и с перепачканным лицом. У Торговых Врат раскинулся целый городок из фургонов и навесов. Прилавки под разноцветными тентами пестрели товарами, которые люди предлагали гномам. Мёд, шерсть, меха, свежие овощи и зерно, пиво, вина, масло, сахар... Торговля шла бойко, гномы оживлённо спорили с людьми, через Врата в обоих направлениях то и дело проезжали полные повозки. Меня никто не замечал.

Я мог бы купить себе лошадь, денег хватало, но это разрушило бы мой образ нищего. Пусть я буду идти медленнее, но доберусь до Онрилл-Этила живым.

Врата Рунии и обступивший их торговый городок остались позади. Меня ошеломила открывшаяся передо мной палитра красок. Голубое небо, зелёная растительность, яркие цветы, бабочки и птицы... Природа Фальции куда более блёклая.

Под моими ногами пролегла мощёная дорога. Тогда я почему-то подумал, что в Катароне все дороги такие, и ощутил обиду за не столь прогрессивную родину. Позже, уже путешествуя по простым накатанным дорогам, а то и тропинкам, я понял: камнем мостили лишь оживлённые торговые тракты. До Атирона вёл именно такой. Мимо постоянно проезжали тяжело нагруженные фургоны. Один торговец предложил подвезти меня до города, и я согласился. Он почти ничего не спрашивал, больше рассказывал о себе. Поэтому я кивал и слушал, радуясь, что не пришлось идти пешком. Глупость я допустил, попытавшись заплатить за проезд. Торговец изменился в лице, поняв, что я вовсе не нищий. Спрашивать, кто я и от кого скрываюсь, он, конечно, не стал, хоть этот вопрос отчётливо читался в его глазах. Дрожащими руками принимая плату, он посоветовал мне останавливаться в самых дурных тавернах, куда не рискует заходить городская стража. Мол, среди постояльцев я не стану выделяться.

Торговец оказался прав. В заведениях, где завсегдаями были воры, убийцы и шлюхи, никто не задавался вопросом, откуда деньги у оборванца. Я без проблем заказывал еду и снимал комнату на ночь. И так практически везде. Так что, я очень благодарен тому моему первому попутчику. Сейчас я понимаю, как много проблем мне удалось избежать благодаря его совету.

Однако, удача сопутствовала мне не всегда. В Даоре, найдя подходящую забегаловку и заказав ужин, я уселся в зале ожидать заказ. И в это время заявился некий рыцарь. Из его пафосной и по большей части бессмысленной речи я понял, что он намеревается очистить город от всякого сброда, представители коего облюбовали это заведение. Меня позабавили его угрозы – как одинокий благородный воин будет противостоять двум десяткам головорезов? Тогда я почти ничего не знал о рыцарях из Школы Мечей, а всё услышанное считал нелепыми сказками.

Но поведение завсегдаев заставило меня напрячься. О всеобщем смехе, которого я ожидал, не было и речи. Никто даже не улыбнулся. Я кожей ощущал переполнявший людей страх.

Когда самые отчаянные ринулись к выходу, рыцарь начал действовать. Он едва шевельнулся, а самый шустрый беглец отлетел в сторону с раздробленным черепом. Началась паника. Люди с криками ломались в окна, толкаясь и мешая друг другу. Рыцарь перемещался с фанта-

стической скоростью и убивал мгновенно, никому не давая уйти. Глядя на эту резню, я понял: жив я лишь потому, что оцепенел от страха. Стоит попытаться бежать, и следующий смертельный удар достанется мне.

Воин замер посреди залитого кровью зала, опутанный моей магической сетью. Его ненавидящий взгляд вонзился в мои глаза, и меня прошиб холодный пот. Как он понял, кто наложил чары? Я убил его мгновением позже, просто исторгнув душу, и устремился к выходу вместе с паникующими людьми.

Даор я покинул тем же днём, не рискнув остаться там на ночь. По городу рыскали другие воины и искали мага, убившего их товарища. К счастью, как выглядел оный маг, они не знали.

Слушая разговоры в тавернах и беседуя с попутчиками, я постоянно слышал о войне между магами и рыцарями. Причины каждый человек видел разные. Наиболее правдоподобной мне казалась взаимная неприязнь. Но даже эта причина слишком незначительна, чтобы развязывать войну. Катаронцы, похоже, считали иначе. И у волшебников, и у рыцарей имелись свои ярые сторонники. Первые утверждали, что Катароном испокон веков правили маги, и правили мудро, ведя победоносные войны с солнечными эльфами. А воины из Школы Мечей – просто выскочки-простолюдины, дорвавшиеся до власти. Другие возмущались несправедливым отбором Гильдии магов: волшебником мог стать только дворянин, даже самых талантливых простолюдинов в Гильдию не принимали. А Школа Мечей каждому давала шанс выбиться из грязи. И рыцари, делающие для государства не меньше магов, желали себе таких же привилегий.

Слушая эти истории, я вспоминал слова Аньи о воинственных катаронцах и мирных солнечных эльфах. И всё больше убеждался в её правоте. Катаронцы, похоже, жить не могли без войны. Но меня несказанно удивляло, что врагов они ищут в собственной стране. В этом я видел слабую руку катаронского императора, неспособного управлять своим народом.

В целом, дорога через Катарон оказалась куда проще, чем я опасался. Образ нищего был весьма полезен. На одинокого оборванца редко нападали разбойники, а если кто и дерзал – жестоко расплачивался за это. Живыми от меня не уходили. И, как я уже упоминал, довольно часто путешественники предлагали подвезти меня. Поначалу я считал это удачными случайностями, потом – странной катаронской традицией. Пока не узнал от одного попутчика, что, подвозя нищего, человек получает благословение Пресветлых Сестёр. Пожалуй, это действительно работало, так как разбойники при мне на обозы не нападали. Кроме одного случая.

Я шёл от Секветы к деревням Блаженных. О них я успел услышать много странного – то ли сектанты, то ли дикари, то ли просто трусы. В чём сходились абсолютно все говорившие о них катаронцы – Блаженные против войны с Онрилл-Этилом.

И вот, на пути к одной из их деревень, меня подобрал местный крестьянин, возвращавшийся из Секветы. Куда больше он напоминал торговца, но упорно называл себя крестьянином, объясняя это тем, что не торгует, а обменивает плоды своего труда и труда односельчан на нужные деревне вещи. Представился он Марком, а вёз в деревню два полных рудой обоза. Одним правил сам, другим – его сын. С ними ехало четыре рослых мужика, как я подумал – наёмные охранники. Но оказалось, все четверо – родственники Марка. Кем они ему приходятся, я не понял, хотя он и говорил. Сказывалось моё незнание родственных связей.

– Мы всё добываем сами, – хвастал Марк. – Выращиваем зерно, собираем дары лесов, прядём собственный лён, охотимся и разводим скот. Будь у нас железо – и вовсе бы не ездили в Секвету. Знаешь, бродяга, как трудно обменять сыр и мёд на железо? Все восхищаются нашими продуктами, но требуют за железо дурацкие кругляши! Они мне твердят, что я могу обменять сыр и мёд на горсточку серебра, а потом на неё выменять железо. Но зачем так всё усложнять, когда можно просто обменяться? А то и вовсе – предлагают готовые гвозди, подковы и рогатины. На что мне, спрашивается, это всё, неизвестно кем сделанное? Вот кузнец наш, ему я доверяю, всю деревню инструментом и мелочью важной снабжает. И с благосло-

вения духов работает. А горожане? Поклоняются не пойми кому, наших духов солнца и леса ненавидят, да и нас недолюбливают. Как можно брать к себе домой вещь от недоброго человека? А если он проклятье навёл? Что с детьми будет?

– А как же руда? – спросил я.

– А? Руда? – Марк словно забыл, что говорил не сам с собой. – Так в кузнице она через огонь очистительный проходит, жар священный вбирает, всё зло в ней и выгорает. Духи все-сильные, и как вы живёте, не зная таких простых вещей!

Я невольно улыбнулся.

– Вы часто видите своих духов?

– В каждом большом урожае, в каждой удачной охоте, в каждом здоровом ребёнке их рука!

– Я не об этом. Видели ли вы их своими глазами?

Марк уставился на меня с ужасом.

– Что ты, мы не достойны грешными своими очами лицезреть прекрасных духов! Даже помышлять о таком – святотатство.

– Понятно. Прости моё невежество.

Благодушие Марка, однако, как рукой сняло.

– Зачем ты выпрашиваешь про духов солнца и леса? Собрался вторгнуться в их обитель?

Разговор пошёл совсем не так, как мне хотелось. Палитра сменяющих друг друга эмоций на лице Марка не предвещала ничего хорошего. Я понял – каким бы ни был мой ответ, реакция будет одинаковой. Марк уже решил, что я враг.

И тут со всех сторон раздались крики, лошади встали на дыбы, а повозки окружило с десяток вооружённых людей. В ближайшего ко мне охранника вонзилась стрела. А дальше я активировал заклинание, которое на всякий случай держал наготове для Марка и его родни, но направил его на разбойников.

Людей парализовало в самых нелепых позах. Громилы Марка прирезали четверых врагов прежде, чем заподозрили что-то странное. Я к тому времени уже спрыгнул с козел и отошёл на безопасное расстояние.

Марк, выпучив глаза и сжимая топор, переводил взгляд с меня на разбойников.

– Ты! Это ты сделал!

– Я, – отпираться не имело смысла. – И, благодаря этому, все живы.

Надежда, что моя помощь вразумит крестьян, оказалась напрасной. Сын Марка выстрелил в меня из лука, но промахнулся. Я исторг души из скованных мною разбойников, и восемь тел одновременно с глухим стуком упало на землю. Крестьяне отшатнулись – зрелище было впечатляющее.

– Не делайте глупостей, как мальчишка. – произнёс я.

– Проклятый чародей, – прорычал Марк. – А я ещё и подвёз тебя!

– И я благодарен. Вы ведь всё ещё живы? Но дальше, я вижу, вы разделять со мной общество не желаете. Потому идите своей дорогой, а я дальше пойду один.

Я смотрел, как крестьяне, сверля меня ненавидящими взглядами, забирались в повозки. И думал – правильно ли я поступаю? Осторожность советовала убить их всех. Но ведь они не разбойники, они просто меня боятся. Поэтому, я лишь внимательно следил, как крестьяне отъезжают всё дальше. И увидел, что один из них вновь целится в меня из лука.

Я покачал головой, но лучник этого не увидел или не обратил внимания. Выпущенную стрелу я обратил в пыль, заставив дерево истлеть, а железо рассыпаться ржавой крошкой. Что бы ни говорила Аня, милосердие люди воспринимают как слабость. И я активировал предусмотрительно наложенную на крестьян смертельную сеть.

Идти в деревни Блаженных я не решился, уж очень непредсказуемыми проявили себя местные люди. Хотя от других я слышал об их миролюбии, на деле они оказались подозритель-

ными и суеверными язычниками. Интересно, знают ли солнечные эльфы, что им поклоняются и возносят молитвы их давние враги?

Мой путь лежал через лес в сторону реки Дайтаны. Дальше карта принца Орсона помочь мне уже не могла – города солнечных эльфов на ней обозначены не были. И где находится родной для Аньи Офесс, я не знал. Но тогда меня это и не волновало. Ведь Анья уже давно дома, и, куда бы я в итоге ни вышел, ей быстро передадут весть обо мне.

Как наивен я был!

Когда глазам моим предстал Онрилл-Этил, у меня перехватило дыхание. Молочно-белые ветви онриллов, гладкие, как эльфийская кожа, тянулись к благословенному солнцу. А как искрились в его лучах золотые листья! Как играли, как переливались, купаясь в солнечном свете! Воистину, Золотой лес!

Ошеломлённый его величием, я стоял, не в силах отвести глаз, боясь пошевелиться и развеять чудесный образ. Из оцепенения меня вывел тонкий свист, и я оторопело уставился на возникшую в земле передо мной златооперённую стрелу.

Намёк был предельно ясен – мне тут не рады. Но почему? Анья не добралась до дома? Ужас сковал меня от этой мысли, однако, я быстро совладал с собой. Как меня могут узнать солнечные эльфы? Даже, будь я одет в привычную робу – некромантов тут никогда не видели. А сейчас я и вовсе выглядел, как грязный оборванец.

Меня от Онрилл-Этила отделяла широкая река. Я сложил ладони рупором и закричал:

– Я Меркопт из Фальции! Я хочу увидеть Анью! Она обещала, что я найду её здесь!

Тишина. Но и стрел больше не прилетало. Я позвал снова. Безрезультатно.

Шум воды заглушал мои слова. Я сорвал голос, пытаюсь докричаться до эльфов. Я знал, что с того берега за мной наблюдают, – кто-то же выпустил стрелу – но никого не видел. Когда я уже отчаялся, над онриллами возникло нечто. Я замер, всматриваясь в стремительно приближающийся силуэт. Птица – понял я, а силуэт всё рос и рос. Не знал о существовании таких гигантских птиц. Перья переливались всеми цветами радуги, и я любовался ею, пока она не опустилась рядом со мной. Только тогда я заметил на её спине всадника – солнечного эльфа в небесно-голубом камзоле и полумаске. Он не заговорил, не пошевелился, но я почувствовал едва уловимое колебание магии. И отключился.

Очнулся я в окружении полусотни эльфов. Над головой шелестели ослепительно сияющие листья онриллов. Похоже, меня околдовали и бессознательного перенесли в Онрилл-Этил. А ещё каким-то образом отрезали от магии. Я не чувствовал потоков.

– Очнулся, – процедил один из эльфов. – Надеюсь, ты достаточно хорошо знаешь эльфийский, так как мы не засоряем свою память языками низших народов.

Мне не понравились его слова. И тон, с которым они были сказаны.

– Я знаю язык.

– Тогда слушай. Ты жив лишь благодаря желанию Аньи. Я удивлён, что ты, фалиец, вообще решился зайти так далеко. Мы пообещали Анье не причинять тебе зла, она на этом настаивала. Но, если бы мы поверили, что чёрный маг осмелится вторгнуться в Онрилл-Этил, Анья никогда бы не вымолила у нас такого обещания. Будь ей благодарен, жалкий фалиец.

Эльф словно выплёвывал слова, и я видел – он искренне сожалел о своём обещании.

– Что с Аньей? Почему её нет здесь?

Эльф затрясся, его светлая кожа побледнела ещё больше.

– Ты даже имя моей дочери произносить не достоин! Ты затмил её разум, похитил её душу, увёл от Света лучшую из нас! Она ушла, фалиец! Ушла, когда мы отказались поселить тебя в Онрилл-Этиле. Мыслимое ли дело – чёрный маг в обители Света! И, когда я вижу, ради кого моя дочь отказалась от жизни на благословенной земле, сердце моё переполняет ярость. Чёрный маг, уродливый, грязный оборванец! Я едва сдерживаюсь, чтобы не испепелить тебя, исчадьё Тьмы!

Ненависть. В каждом направленном на меня взгляде я видел глубочайшую ненависть. Страх сжимал моё сердце. Аньи не было в Онрилл-Этиле. А были десятки эльфов, винящих меня в её помешательстве. И по их глазам я видел: одно моё неосторожное слово – и они забудут о данном Анье обещании.

– Куда она ушла? – осторожно спросил я.

– Нам она ответить не пожелала. А для тебя оставила письмо, которое мы, опять же, пообещали не вскрывать. Возьми, – эльф протянул мне конверт.

Я с благоговением спрятал письмо за пазуху. Эльф стиснул зубы – видимо, надеялся, что я стану читать при нём. Но говорить об этом не стал.

– Теперь убирайся отсюда. Своё обещание мы выполнили и терпеть тебя здесь больше не намерены.

Я вдохнул побольше воздуха и заговорил:

– Ваша дочь говорила, что солнечные эльфы добры и справедливы. Что в Онрилл-Этиле мы будем счастливы. Что здесь принимают всех, кто раскаялся в своих преступлениях и встал на путь Света. Она дала мне надежду. Она разглядела во мне хорошего человека. Неужели, она ошибалась? Что заставило её уйти?

Эльф фыркнул:

– Люди порочны по своей природе. Сколько бы вы ни стремились к Свету, он для вас недостижим. Я слишком старался оградить Анью от жестокостей этого мира и, к сожалению, преуспел. Она не стала меня слушать, когда я попытался вразумить её. Только наивная девочка могла влюбиться в чёрного мага и решить, что его с восторгом примут в Онрилл-Этиле! Ты ничего не знаешь о солнечных эльфах, фалиец, если поверил в такое!

Я чувствовал, как горят мои щёки. О нет, я достаточно слышал о солнечных эльфах, но мне так хотелось верить Анье! Верить, что в Авильстоне есть место, где мы можем быть счастливы.

Златоволосые эльфы смотрели на меня с отвращением. Прекрасные, как Анья, но совершенно на неё непохожие. Она превосходила их во всём, грациозная, но не холодная, гордая, но не высокомерная. Анья завораживала совершенной внешностью, мелодичным голосом, лёгкой, словно порхающей, походкой, но при этом обладала ещё и особенной, внутренней красотой. В ней гармонично соединились величие и простота.

Эльфы вывели меня к реке, где покачивалась пришвартованная лодка. Белая. В глазах уже рябило от белого и золотого.

– Почему не на птице?

– Никто не желает разделять твоё общество.

– Что делать с лодкой, когда я переправлюсь?

– Привяжешь к дереву. Мы заберём её позже, – эльф смерил меня надменным взглядом. – Гордись, фалиец, незаслуженно оказанной тебе великой честью! Мало кто из смертных ступал по земле Онрилл-Этила и ушёл отсюда живым.

– Благодарю, – бросил я. – Прощайте.

Когда я отчалил, на берегу уже никого не было. Я был уверен – эльфы не ушли, просто скрылись в зарослях, чтобы незаметно наблюдать за мной.

Я постепенно отдалялся от Онрилл-Этила. Солнца скрылось за деревьями, но Золотой лес сиял, как и днём, бросая вызов великому светилу. Белые ветви тянулись ввысь, стремясь пронзить небеса. Онрилл-Этил, надменный и величественный, как и сами солнечные эльфы, предстал передо мной в истинном облике. Онрилл-Этил не воплощал идеалы Света. Идеалом Света он считал себя.

Едва я ступил на берег, как вновь обрёл способность чувствовать магические потоки. Эльфийские чары развеялись.

Я отошёл вглубь леса, чтобы не видеть проклятых онриллов, и разбил лагерь. При свете костра я бережно развернул драгоценное письмо. Оно до сих пор со мной и сейчас я прочту его вам, как бы мне ни было горько это делать:

«Мой дорогой Меркопт! Я верю, ты получишь это письмо, если Свет хоть немного милосерден. К сожалению, сейчас я убедилась в обратном, поэтому вера – это единственная оставшаяся мне милость. Мне горько от мысли, что я так тебя подвела. Прости, любовь моя! Я ошибалась в моём народе, я ошибалась в Свете. Ослеплённые своей чистотой они не прислушались ко мне, не пожелали принять тебя в Онрилл-Этиле. Они предложили мне забыть о тебе и наслаждаться жизнью вдали от бед. Их слова повергли меня в ужас. Я пыталась докричаться до их разума, но тщетно. Они слышали лишь то, что хотели слышать. Сколько я их ни убеждала, они воспринимали тебя как опасного некроманта, а не моего возлюбленного спасителя. Мой дорогой Меркопт, даже в плену я не испытывала такого отчаяния! Родной дом стал для меня чужим. Эльфы говорят, чтобы я забыла тебя, но без тебя моя жизнь больше немислима.

Я больше не верю в милосердие Света. Это равнодушная, слепая сила, не способная помочь двум любящим душам обрести счастье. Мне такой Свет чужд. Но ведь не может такого быть, чтобы нам с тобой, любовь моя, не нашлось места в целом мире? И меня озарило. Ведь это так просто! Раз Свет отверг наш союз, его примет Тьма.

Я немедленно направляюсь в Тёмную Цитадель. Видеть больше не могу лицемерные лица эльфов. Поспешите за мной, Меркопт! Я так хочу вновь услышать твой мягкий голос, увидеть твою улыбку, встретиться взглядом с твоими голубыми, как летнее небо, глазами! Скоро мы снова будем вместе, и никакие силы больше не разлучат нас.

С любовью, навеки твоя, Анья.»

Словами не передать тот ужас, который я испытал. Я всматривался в строки в нелепой надежде, что неправильно разобрал слова. Но смысл оставался пугающе ясен. «Я немедленно направляюсь в Тёмную Цитадель».

О привале не могло быть и речи, и я, наплевав на наступающую ночь, побежал прочь, словно моя спешка могла предотвратить грядущую беду. Я не замечал времени и не чувствовал усталости. Кажется, в конец обессилив, я просто упал на землю. А, проснувшись, немедленно продолжил путь.

Дорогу до Фальции я почти не помню. Я больше не скрывался и при малейшей угрозе убивал всех, кто вставал у меня на пути. Кажется, мне попадались и воины Школы Мечей, и маги Гильдии. Ума не приложу, как я выжил. Не помню, ел ли я что-то. Все мои помыслы занимала Анья и её безумный поступок. Почему именно это взбрело ей в голову? Почему она не дождалась меня? Бессилие вызывало отчаяние и злость. Невозможность найти её, опередить, послать весть сводила меня с ума. От безумия я спасался наивным убеждением – если поспешу, то сумею защитить Анью.

Я вновь прошёл через Алмазную гору. Гномы узнали меня, но не стали препятствовать, как в прошлый раз. Без лишних слов они провели меня к воротам, ведущим в Мёртвую пустыню. Возможно, поняли, в каком я отчаянии. Или побоялись перечить полубезумному некроманту. Но, скорее всего, гномы выполняли просьбу Аньи. От них я узнал – Анья прошла через Алмазную гору неделю назад.

После этого известия я погрузился в апатию. Я понял, догнать и остановить Анью мне не успеть. Но я всё равно продолжал путь, как будто моё упорство могло что-то изменить.

Меня без вопросов пропустили в Фальцию, словно я не был беглым некромантом. Никто не остановил меня по дороге в Тёмную Цитадель, не заставил предстать перед судом Слепого Жнеца. Хотя, случись так, я не стал бы сопротивляться. Я шёл, не зная куда и зачем, а в то, что Анья жива, больше не верил.

Такая вседозволенность должна была меня насторожить, но я слишком погрузился в себя и не обращал на происходящее внимание.

Тёмная Цитадель. Немыслимых размеров сооружение, замок, площадью с десяток городов. А масштаб скрытых под ней подземелий я не могу себе даже представить. Жизни не хватит, чтобы обойти их все. Я шёл по знакомым коридорам мимо молчаливых каменных горгулий-стражей – домой. Мимо проходили другие обитатели Тёмной Цитадели, и я вдруг начал замечать, что многие из них приветливо улыбались мне. В чём причина?

– С возвращением, Меркопт, – раздался за спиной знакомый голос.

Я обернулся. Из бокового коридора вышел Сольвер и с улыбкой направился ко мне.

– Давно не виделись, Сольвер.

– Не так уж давно. Хотя встретить тебя вновь, признаю, не ожидал.

– Все сегодня непривычно радостные. Празднуют что-то?

– Твоё возвращение.

– Раньше предателей встречали иначе.

– Если бы Хранитель Полуночи казнил каждого влюбившегося некроманта, Тёмная Цитадель бы давно опустела. А если серьёзно, после череды неудач важный эксперимент с тёмной материей наконец увенчался успехом. Более того, рассчитана стабильная схема для многократного повторения реакции, а это уже не голая теория с парой чудом удавшихся опытов, это – доказанное новое магическое построение. Тьма стала ещё могущественнее. Сейчас как раз идёт демонстрация. Идём, ты должен это увидеть.

Я несколько раз пытался его прервать, но Сольвер и слова не давал мне вставить. Непривычно было видеть его таким напористым.

– Меня сейчас не интересуют твои эксперименты. Что с Аньей?

– Как ты стал нетерпелив! Но это сути не меняет. Анья – наша почётная гостья, и сейчас она присутствует на демонстрации того самого эксперимента. Так что, если желаешь увидеть девушку немедленно, тебе всё равно придётся пойти со мной.

Я не поверил своим ушам.

– Так Анья... жива?

– Конечно, – фыркнул Сольвер. – С чего бы нам её убивать? Она пришла добровольно и присягнула Хранителю Полуночи. Первый солнечный эльф на службе Тьмы! Это триумф, Меркопт, и во многом благодаря тебе.

– Мне?

– Ведь это ты подтолкнул её к такому выбору.

Да у меня и в мыслях такого не было! Я бы и близко её к Тёмной Цитадели не подпустил! Всё, чего я хотел, – жить с Аньей в безопасности, вдали от Фальции. Но был ли выбор у солнечной эльфийки, полюбившей некроманта? Я, завладевший её мыслями и сердцем, невольно влиял на каждый её шаг.

Поэтому, я ничего не смог возразить Сольверу.

– Успокоился? – спросил он. – Тогда идём.

Я шёл следом за Сольвером и размышлял. Если рассудить здраво, всё сложилось совсем неплохо. Анья жива, это главное. Сердце моё неуверенно и осторожно наполнялось радостью – чувством, которое я почти забыл. Меня простили, Анью приняли с почётом, и мы вот-вот встретимся. То, что это произойдёт в Тёмной Цитадели, не столь важно. Если Анья сама ещё не поняла всей глупости своего поступка, я объясню ей как можно доходчивей, в какое кошмарное место она пришла, ослеплённая любовью. Мы сможем сбежать вновь, не знаю, куда, может, в Рунию. Где-нибудь нас обязательно примут! Главное, я больше ни на шаг не отпущу Анью от себя.

– Пришли, – объявил Сольвер.

Чертог Крови. Выбор этого чертога для демонстрации означал то, что честь открытия принадлежит вампиру. Нечастое явление, но это меня сейчас совсем не интересовало. Я осмат-

ривал толпу, но нигде не видел Анью. Мельком взглянув на выступавшего оратора, я с удивлением узнал Вайриса. Так это о его успехе говорил Сольвер? Что же Вайрис создал?

Похоже, большую часть речи я пропустил. Вайрис подводил итоги, и из общих фраз, какими завершаются все подобные выступления, ничего не было понятно. И тут вампир заметил меня:

– Меркопт! Друг мой, ты вернулся! О, как я рад! Поднимайся сюда, ко мне! Пропустите его, друзья мои, пусть все увидят некроманта, оказавшего неоценимую помощь в моих разработках.

Я неуверенно двинулся к трибуне, не понимая, о чём речь. Что Вайрис почерпнул, следя за моими экзекуциями, если решил даже публично выразить признательность? Фалийцы послушно расступались, провожая меня восхищёнными взглядами. Вампиры, некроманты, маги крови, демонологи... Хотел бы я знать, о чём докладывал Вайрис!

Но гораздо больше я хотел увидеть Анью. Потому и поднялся на трибуну, надеясь с её высоты разглядеть эльфийку в толпе.

– Ты не слышал моего доклада, верно, Меркопт? – Вайрис ележно улыбался.

– Нет. Я только пришёл.

Я скользил взглядом по толпе. Десятки лиц, много знакомых, но ни одно не принадлежит златоволосой эльфийке.

– Что ж, тогда для тебя это будет вдвойне сюрпризом. Дорогие друзья, мой доклад окончен, а значит, самое время начать демонстрацию! Аня, прошу!

Я вздрогнул. Взгляд мой приковала хрупкая фигурка, идущая к трибуне. Закутанная в чёрный плащ с капюшоном – неудивительно, что я не узнал в ней Анью. Сердце бешено колотилось, я хотел ринуться к ней, обнять, но заставил себя сдержаться. Не здесь. Не при всех. У нас ещё будет время поприветствовать друг друга наедине с нежностью и теплотой. Аня ведь смогла сдержаться, хоть это совсем на неё непохоже. В голове вдруг возникла странная мысль: почему на ней чёрный плащ? Зачем ей надевать чёрное? Нелепость, ведь это вполне естественно переодеться в цвета Хранителя Полуночи, присягнув ему на верность. И почему я на этом заикнулся? Наверное, чёрный цвет казался мне слишком неподходящим для Аньи. Наконец, она поднялась на трибуну. И откинула капюшон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.